

УДК 821.161.1

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019164>

**О НЕИЗВЕСТНОЙ РУКОПИСИ Н. П. СУСЛОВОЙ
В ФОНДАХ КРЫМСКОГО АРХИВА:
ТЕКСТ И КОНТЕКСТ**

Орехова Л. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: la.orehova@gmail.com*

В статье впервые представлен анализ сохранившейся в Государственном архиве Республики Крым рукописи первой русской женщины-доктора медицины Н. П. Суслевой, жившей почти 40 лет близ Алушты в имении Кафель-Приморский. Рукопись Н. П. Суслевой «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» рассматривается в текстовой и контекстовой связи с написанным ею также в Крыму и опубликованным в 1900 г. в «Вестнике Европы» рассказом «Из недавнего прошлого», а также с ранними произведениями «Рассказ в письмах» и «Фантазерка», опубликованными в «Современнике» в 1864 г.

Ключевые слова: Н. П. Суслева, А. Е. Голубев, «женское движение», Кафель-Приморский, рукопись «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь».

ВВЕДЕНИЕ

Хранящаяся в Государственном архиве Республики Крым рукопись, о которой пойдет речь, принадлежит известной в России и Европе Надежде Прокофьевне Суслевой-Голубевой (1843–1918), получившей в Цюрихе медицинское образование и защитившей в декабре 1867 г. под руководством И. М. Сеченова докторскую диссертацию. Название рукописи «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» мало соответствует ожиданию читателя, рассчитывающего на авторский рассказ о личной судьбе автора, пути в науку, истории женской эмансипации, наконец, о Крыме, где 40 лет жила Н. П. Суслева.

Актуальность исследования вытекает из очевидного интереса к истории женского образования в России и, соответственно, личности Н. П. Суслевой, проявившей необыкновенную целеустремленность и трудолюбие, что позволило бывшей крепостной (отпущена на волю в 1856 г. [41–44]) в возрасте 24 лет получить диплом доктора медицины. В 2018–2025 гг. в интернете появилось немало популярных статей журналистов и блогеров о Н. П. Суслевой [10; 13 и др.]; есть даже статья школьника из Нижнего Новгорода Ярослава Зыкова [12], что не может не радовать.

Однако сложившееся впечатление «изученности» темы обуславливает подчас досадные неточности в интерпретации фактов. Скажем, в сведениях о крымском периоде жизни Н. П. Суслевой можем встретить суждения о «нищете» Суслевой-Голубевой, «разграблении» ее дома в 1918 г., что, однако, следует лишь из написанного за границей романа И. С. Шмелева «Солнце мертвых», но опровергается архивными документами [28]. В некоторых статьях (на примерах не задерживаемся) встречаем поверхностное и предвзятое отношение к драматичной судьбе Аполлинии Суслевой, сестре Н. П. Суслевой, хотя исследования, располагающие к объективному пониманию ее истории давно предприняты [39; 29].

Вместе с тем, с удовлетворением отмечаем, что многие из статей (заметок) о Н. П. Суслевой отражают активные регионально-краеведческие поиски (в Н. Новгороде, Иваново, Крыму). Современное развитие исторической и филологической

регионалистики [35] обусловлено пониманием, что интерес «к фактам, связанным с историей родных мест, – объективная психологическая закономерность» [26, с. 166–168]. Человек ощущает «сопричастность истории», выстраивая в сознании «детализированную» историческую панораму [36, с. 4; 57–58; 14, с. 181–185], что особенно важно в школьном обучении и воспитании любви к родному краю [38, с. 85, 172–175].

Поэтому в ряду журналистских публикаций о Н. П. Сусловой не можем не выделить работу нижегородского журналиста Галины Филимоновой, представившей в 2018 г. в рамках проекта «Белые пятна карты “мест памяти” Нижегородской области» основанную на новых документах статью-исследование о Н. П. Сусловой и истории санитарно-медицинского дела в Нижнем Новгороде [43; 44]. Последовательно пропагандируя краеведческие знания, Г. Филимонова организует мероприятия, рассказывающие о жизни Н. П. Сусловой в Нижнем Новгороде: интервью, «экспедиции» на родину Н. П. Сусловой в с. Панино Нижегородской области и даже в рамках проекта «Громко с выражением» чтение опубликованного в 1864 г. «Рассказа в письмах» Надежды Сусловой [43]. Кстати говоря, это редкий случай прямого обращения к литературному творчеству женщины-врача; как правило, все ограничивается лишь упоминанием о ее публикациях 1860-х гг.

В этом контексте очевидна необходимость не только актуализации знаний об опубликованных текстах Н. П. Сусловой, но и включения в научный оборот сведений о «крымской» рукописи «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь», что составляет **цель** статьи и предполагает решение **задач** атрибутирования рукописи, обоснования исторической, биографической и историко-литературной ее значимости.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рукопись «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» хранится в Государственном архиве Республики Крым в личном фонде (№ 536) мужа Н. П. Сусловой профессора гистологии Александра Ефимовича Голубева (1836–1926). С конца 1870-х годов супруги жили в своем имении Кафель-Приморский (ныне с. Лазурное в Профессорском Уголке близ Алушты), в двухэтажном доме, построенном Голубевым на купленном в 1872 г. недалеко от моря участке.

После смерти профессора в феврале 1926 г. его библиотека была перевезена в Крымский пединститут; некоторые книги с дарственными надписями выдающихся ученых представлены в собрании Редкого фонда Научной библиотеки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Личные документы супругов Голубевых помещены в Крымском архиве, в 1930-е годы хронологически систематизированы профессором Крымского пединститута, чл.-корр. АН СССР Е. В. Петуховым, участвовавшим и в составлении описи фонда А. Е. Голубева [31].

Среди материалов фонда хранятся две «общие» тетради дореволюционного образца с одинаковыми названиями и практически тождественными рукописными текстами, чернилами, одним почерком: ед. хр. 108 (151 л.) и ед. хр. 109 (128 л.); оборотная сторона листов в обеих тетрадях свободна – для поправок. «Оборотки» сохранили существенные следы черновой работы [8, ед. хр. 109, л. 120 об., 121 об., 124 об. и др.]. Принадлежность рукописи Н. П. Сусловой подтверждается четко прописанной фамилией в каждой тетради под текстом. Очевидно, у автора были сомнения, как назвать текст. Название записано в обеих тетрадях в три строки: первая – «Мечты и действительность» (в кавычках), на второй – «или», третья строка – «Мертвая жизнь» (в кавычках). Допускаем,

что «или» может означать отложенное авторское решение о названии. Поэтому в своем анализе будем пользоваться двойным заголовком «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь». Рукопись не датирована, под заголовком обозначен жанр: «Очерк». Тексты в тетрадах разнятся несущественно. Однако в одной из них [8, ед. хр. 109] записи велись густыми чернилами, с многочисленными исправлениями; расстояние между словами минимальное («сжато»), что затрудняет чтение; объем 128 листов. В другой тетради [8, ед. хр. 108] правки уже незначительные, записи четче, разборчивее (видимо, в расчете на читателя), рукопись занимает 151 лист. Отсюда следует, что эта тетрадь является более поздним по срокам рабочим вариантом рукописи. При анализе и цитировании опираемся на нее. Хотя объем рукописи, стилистика повествования не совсем отвечает традиционным представлениям об очерке, сохраняем при анализе авторское жанровое определение «очерк».

Название озадачивает подчеркнутым трагизмом («Мертвая жизнь»). Почему прославившаяся своими достижениями женщина на склоне лет ощущала пропасть между мечтами и действительностью и, имея достаточно времени на обдумывание, все же остановилась именно на таком названии? Чтобы судить о значимости этой рукописи для Н. П. Сусловой, следует понять, как написанное ею в начале XX в. (такая датировка будет обоснована позднее) связано с концептуальными раздумьями автора о пережитом в 1860–1880-х годах – о женской эмансипации, о политических настроениях второй половины XIX в.

Конец XIX – начало XX вв. для многих уже немолодых «шестидесятников» стал этапом осмысления эпохи Чернышевского, Писарева, женской эмансипации, развития в России женского образования и распространения «женского труда». В 1888 г. Н. В. Шелгунов писал редактору журнала «Русская мысль» В. А. Гольцеву о посещающем его «все чаще» убеждении писать воспоминания, статьи, «подводящие итоги»: «будет о светлых и темных явлениях, и об умственном мужестве», «об идеалах и о том болевом умственном состоянии, в котором мы теперь пребываем» [2, с. 283]. Можно заметить определенную «этапность» в осмыслении «женского движения» в печати: от первых успехов «пионерок эмансипации» – к достигаемым результатам женского образования в 1870–1890-е гг.

Так, в ноябре 1868 г. во «Внутреннем обозрении» журнала «Дело» народник П. А. Гайдебуров (1841–1893) помещает значительный по информативности и объему очерк о важности женского движения для России, о путях женского образования и о его противниках (раздел «Нечто о борьбе неравным оружием» и далее). Автор останавливается на инициативе, решительности и успехах самих женщин:

«Все, конечно, помнят то впечатление, которое произвела у нас г-жа Сулова, вернувшись в Россию, после пятилетнего пребывания за границей, доктором медицины. Многих, а в том числе и нас, в высшей степени интересовал вопрос, будет ли дозволено г-же Сусловой прилагать свои знания в России. То или другое решение этого вопроса должно было иметь очень важное значение в деле женского образования. Наконец вопрос разрешился положительно. Назначенная для испытания г-жи Сусловой комиссия дозволила ей практиковать в России на правах доктора и этим оказала громадную услугу нашему обществу. Многие робкие люди увидели, что, во-первых, женщина способна к самым серьезным занятиям, а во-вторых, что в России действительно образованной и способной женщине не совсем закрыта возможность прилагать свои знания к делу.

Пример 2-жи Суловой имел огромное значение и для самих женщин, а именно для тех из них, которые, получив, благодаря исключительно счастливой обстановке, основательное общее образование, желали продолжать свои занятия и заняться каким-нибудь предметом специально. Они вслед за 2-жой Суловой, ободренные ее успехом, также отправлялись за границу и там учились. Говоря даже только о тех фактах, которые уже получили печатную огласку, мы можем назвать последовательниц 2-жи Суловой» [3].

В журнале «Дело» П. А. Гайдебуров заведовал отделом беллетристики. Не без его участия еще ранее, в январской книге журнала за 1868 г. были опубликованы стихи Н. П. Суловой «Труд», «Пытаясь решить все сомненья...» [23]. Здесь же напечатано стихотворение Е. Глобиной «Решительный шаг» с посвящением: «Доктору медицины Цюрихского университета Надежде Суловой» [4]. Елизавета Николаевна Глобина (урожд. Брылкина) известна своим современникам как автор поэмы «Ульяна. Очерки из жизни женщины» [5].

К началу 1870-х гг. читательская аудитория уже не дивилась идеям о женском образовании – во многом благодаря публикациям о беспримерных заслугах Н. П. Суловой. С 1869 г. соредактором П. А. Гайдебурова и Ю. А. Росселя петербургской газеты «Неделя» стала Евгения Ивановна Конради, знакомая Н. П. Суловой активистка женского движения. А в 1872 г. П. А. Гайдебуров и Е. И. Конради издали сборник «Русские общественные вопросы», где обсуждались ближайшие задачи земской медицины, санитарных служб, устройства аптек («Жизненные задачи земства» земского врача В. Португалова); затронуты проблемные вопросы развития печати, оплаты литературного труда в статье Е. Конради «Организация литературного труда» [16].

В 1880–1890-е гг. о женском движении 1860-х гг. писали уже в мемуарно-биографическом и историческом жанрах. В 1887 г. появился исторический очерк В. Овцына «Развитие женского образования». Автор, что важно, опирался на уже внушительный список европейской и отечественной журналистики. Упомянул В. Овцын и «г-жу Сулову, окончившую курс Цюрихского университета» и получившую в России, «в виде исключения», «право заниматься медицинской практикой» [24, с. 9, 30]; указал на важность заслуг Н. Суловой, по примеру которой в Цюрихском университете в 1872 г. обучалось 109 студенток, из которых 54 русских [24, с. 10].

В историческом осмыслении женского движения значимую роль играла вышедшая в 1896 г. книга «Памяти Надежды Васильевны Стасовой» [32]. Впервые были приведены ранее не известные читателю факты и сведения, отражающие деятельность Н. В. Стасовой, которая «благословила зарю новой женской доли», «пережила всю мучительную борьбу за право женщины на знание и труд» [32, с. 88]. Впервые «произнесены» многие имена подвижниц женского образования, которые, как отметил профессор А. Бекетов, «уже занесены на страницы истории» [32, с. 71]. Впервые в характере женщины-«борца» Н. В. Стасовой отмечены не только твердость, «бодрость духа» [32, с. 4], а, в оценке К. Бестужева-Рюмина, главное – душевная отзывчивость («всегда являлась на помощь нуждающимся» [32, с. 73]), которая и поддерживала ее «энергию», умение «принимать к сердцу нужды и потребности всех сирых, обойденных жизнью и задавленных эгоизмом» [32, с. 91].

Но наибольший вклад в изучение истории женского образования внесла Е. О. Лихачева (1836–1904), подготовившая четырехтомное издание «Материалы для

истории женского образования в России» (СПб, 1890–1901), отмеченное почетным отзывом Академии наук [34]. Елена Осиповна Лихачева (1836–1904) известна своей образованностью и необыкновенной судьбой. Во время сербско-турецкой войны 1876 г. выполняла тяжелый труд сестры милосердия и репортера, опубликовала в «Отечественных записках» репортажи «Из Сербии». В 1860-х гг. она выпустила вместе с А. И. Сувориной, женой издателя А. С. Суворина, несколько книг для детей и юношества, среди которых «Путешествие к центру Земли» Жюль Верна. Справедливо считают Е. О. Лихачеву одной из видных деятелей женского образования; на открытых в 1878 г. Бестужевских женских курсах она проработала 24 года, сотрудничая с Н. В. Стасовой, А. П. Философовой, В. П. Тарновской, О. К. Нечаевой; впоследствии на Курсах была учреждена стипендия имени Е. О. Лихачевой [34]. Е. О. Лихачеву с Н. П. Сусловой связывала большая дружба, на этом мы еще остановимся.

Существенный интерес представляет и вышедшая в 1901 г. в Петербурге популярная брошюра известного издателя Николая Елисеевича Зинченко «Женское образование в России». В поле обзора попадают 1870–1880-е годы, организация женских учебных заведений различных уровней. Отмечается при этом, что в первую очередь востребованными оказались педагогическое (имеющее, по убеждению автора, «цивилизационное» значение) и медицинское направления, но вполне перспективны и другие направления, например, сельскохозяйственное, так что женщина во многих «отраслях науки и промышленности окажет благотворнее влияние рациональным использованием и труда, и знания» [11, с. 43]. Подробно рассказано об истории медицинских женских курсов с итогами их работы: во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «по приглашению правительства» 28 студенток старших курсов «отправляли обязанности врачей и заслужили полнейшую признательность со стороны раненых» [11, с. 43]. Упоминается о Н. П. Сусловой и ее последовательницах в Цюрихе [11, с. 44], а также о том, что в 1879 г. женщины законодательно получили разрешение занимать места врачей в городских, земских и других общественных учреждениях» [11, с. 41]. Так, «в Петербурге за восьмидесятые годы ординарными врачами состояло 17 женщин». Помещен список этих врачей, и открывает его имя Н. П. Сусловой [11, с. 42].

Писалась история женского движения в России. Безусловная значимость приведенных изданий состоит в стремлении донести до всех читательских слоев населения знание о движении за женское равноправие и образование, которое с 1860-х гг. в восприятии многих запоздало ассоциировалось со «стриженными нигилистками».

Отметим еще одну инициативу. В 1899–1900 гг. в Петербурге известная детская писательница, публицист, участница гарибальдийского движения А. Н. Пешкова-Толиверова (Якоби) издавала ежемесячный литературный журнал «Женское дело». В планы журнала входила популяризация деятельности, творчества женщин, поддержка общественного внимания к «женскому вопросу», что предполагало и публикацию материалов участниц «женского движения». И уже в первый год издания журнала (1899) в нескольких номерах были помещены хорошо известные сегодня воспоминания Л. П. Шелгуновой «Из далекого прошлого», настолько привлечшие читательское внимание, что уже в 1901 г. отдельным изданием вышла книга «Из далекого прошлого: Переписка Н. В. Шелгунова с женой» [45]. Содержание ее составляют не только письма Н. В. Шелгунова разных периодов (в том числе из заключения и ссылки) с комментирующими фрагментами воспоминаний Л. П. Шелгуновой, но и воспоминания самой Людмилы Петровны о детстве, родителях, знакомых, стремлениях и увлечениях,

встречах с выдающимися писателями. В результате воссоздается «панорамная» и редкая по откровенности (Н. В. Шелгунова уже не было в живых) жизненная картина становления идеалов, осуществленных и неосуществленных мечтаний и надежд людей 1860-х. Книга обрела значение актуального исторического и биографического источника. Л. П. Шелгунова умерла 13 декабря 1901 г.

Сказанное убеждает, что, обращаясь к рукописи «Мечты и действительность...» Н. П. Сусловой, следует учитывать наметившиеся в литературе конца XIX в. историческую и мемуарную «тенденции» в освещении «женского вопроса». Необходимо также видеть текст рукописи в соотнесении содержания и стилистики с ранними литературными произведениями Н. П. Сусловой.

Еще до отъезда в Цюрих она сдала в «Современник» две рукописи, которые были опубликованы в 1864 г.: «Рассказ в письмах» [21] и «Фантазерка» [22]. Юная Н. Суслова была близка кругу «Современника», разделяла убеждения «новых людей», что подтверждается воспоминаниями А. Я. Панаевой [33, с. 348–349]. Позднее С. В. Ковалевская в неоконченной повести «Нигилист» (1890), посвященной памяти Н. Г. Чернышевского, уверенно показывает Суслову в ближайшем окружении писателя: «Надя Суслова была еще моложе своих товарок. На вид ей было не больше 18 лет. Небольшого роста, но крепкого сложения, со смуглым бледным лицом, с неправильными чертами и сильно заметным калмыцким типом, она скорей могла назваться дурнушкой, чем хорошенькой. Но все ее существо дышало энергией и силой, а серые умные глаза глядели так прямо и так смело из-под черной прямой линии сросшихся на переносице бровей, что придавали всему лицу печать оригинальности, почти красоты. Пройти мимо этой девушки, не заметив ее, было невозможно. В кружке она слыла «сильным человеком» и от нее ждали очень многого в будущем» [15, с. 282]. Разумеется, С. В. Ковалевская не могла участвовать в описанных событиях, которые, судя по упомянутым в повести фактам исторического и природного характера: разговоры о беспорядках в Петербургском университете, вспыхнувшие 23 сентября 1861 г., снег, сани – происходят зимой 1861–1862 гг. Тогда С. В. Ковалевской было 11 лет. «Современник» она читала с юности и до конца дней осталась приверженной к идеям Чернышевского. Познакомившись с возвратившейся из Цюриха Сусловой, Софья Васильевна ощутила единомыслие с нею и потому детально выписала и ее образ, и восхищенное отношение к Чернышевскому, «обличенному в глазах ее ореолом гения» [15, с. 283].

В 1863–1864 гг., когда Н. Суслова работала над своими первыми произведениями, тема женской эмансипации «звучала» только в журналистике, но никто не видел конкретных путей ее реализации. Повсеместно активизировались разговоры о женской эмансипации, принимаемой молодежью, но находящей огромное количество противников «женского движения», что сказывалось в семейных отношениях, сохранявших тяжелые правила подчинения дочерей родителям. Первые произведения написаны юной Сусловой с пониманием обстановки и под обаянием идей Чернышевского. Героине ее «Рассказа в письмах» Саше свойственны ригоризм, верность поставленной цели, необыкновенная трудоспособность. Эти качества воспитала в себе и Надежда Суслова.

Сюжет строится на переписке сестер, так что читатель самостоятельно «складывает» из упомянутых в письмах фактов представление о жизни и положении девушек в их семье. Постепенно знакомимся с главной героиней Сашей, которая «сбежала» из дома за два дня до «выгодного» брака с нелюбимым человеком. Сняла комнатку в Петербурге,

зарабатывает частными уроками. Даже «пристрастилась» к своей работе, чувствует удовлетворение («Так весело смотреть на эту сильную восприимчивость детей, так легко прививается к ним все хорошее, если следить за ними с заботливостью и любовью...») [21, с. 158]. У нее сложились, как она пишет младшей сестре Наде, «твердые» принципы; она и волосы остригла. Впрочем, тут же объясняет: «Когда хочешь сбросить с себя все старое, то всегда доходишь до утрировки. <...> Разве взбивать волосы не так же глупо?» [21, с. 143]. К семье своей, где живут страстью к деньгам и бесконечным развлечениям, не испытывает уважения. Тоскует лишь о Наде, доверчивой, мечтательной, и, в конце концов, оказавшейся обманутой близкими людьми и несчастной. Но у Нади недостаточно воли по примеру Саши уйти из помещичьего круга в непонятный мир; она недоумевает в своем письме: «Что такое делается в Москве и Петербурге? Что ни книга журнала, что ни номер газеты, все бранят и смеются над теми женщинами, которые учатся, читают, ходят на лекции и интересуются не одними тряпками...» [21, с. 151].

Следующая повесть Н. Сусловой «Фантазерка» связана с «Рассказом в письмах» очень короткими сроками публикации и написания. Но теперь внимание сосредоточено не на сильной личности, подобной Саше, а на судьбе девушки из дворянской семьи Александры Кирилловны Каратинской (Alexandrine, как обращаются к ней дома). Семья «в С-ом уезде считалась аристократической, потому что все члены этой фамилии были неприступно горды своим родом и имели значительное родство в Петербурге» [22, с. 181]. К тревоге матери, Alexandrine увлечена «новыми идеями» «об эмансипации женщин», отказывается от выездов, целыми днями занимается чтением, музыкой, проявляет «полное равнодушие к удовольствиям и нарядам» [22, с. 169–170]. Девушка влюблена в соседа по имени Алексея Сергеевича, сына помещиков «средней руки», который много говорил ей о «другой», а не светской жизни [22, с. 178]. Была у нее и подруга, несколько старше годами, дворянка Мери, которая, хоть и воспитана в дворянских условиях, «все-таки видела людей с новым образом мыслей, слышала их толки и сама почитывала русские журналы» [22, с. 183]. Вообще высказываться в духе «новых» идей становилось «модным», «прогрессивным». Даже отец Алексея Сергеевича, «помещик средней руки», «прикидывался свободомыслящим» [22, с. 187], красноречиво толковал учителю своего сына-подростка, что «уважает» молодых людей, увлеченных «на труженический подвиг», и что он «друг этих мощных бойцов за нравственные убеждения» [22, с. 189].

В «Фантазерке», в отличие от «Рассказа в письмах», наблюдаем гораздо большую погруженность в критическое осмысление жизни провинциальных помещиков и петербургского общества. Развивается популярная тема о положении девушки в дворянской семье, ее влюбленности и обманутой любви, о «двуличии» избранника. Можно сказать, что сюжет о Наде из «Рассказа в письмах» развивается в самостоятельный сюжет о судьбе Alexandrine в «Фантазерке». Повествование «в письмах» сменилось на сценичность действия с участием многих действующих лиц, на авторскую речь в описании характеров и «углубление» в вопросы воспитания. Подробно рассказывается об избраннике Alexandrine – Алексее Сергеевиче, речи которого о «необходимости труда», вдобавок к красивой внешности говорящего, совершенно покорили воображение доверчивой Александры Кирилловны. Ей казалось, что пришла та любовь, о которой мечталось, и с ней тот человек, о котором мечталось. Надо сказать, что и Алексей Сергеевич искренне «воображал, что убеждения его очень стойки». Но, приехав в Петербург, «сам того не замечая, он предавался барству, ездил с визитами к

местным аристократам на радость отцу и матери, – словом, делал все то, что никак не могло идти к его будущей труженической жизни, да и от самой мысли о такой жизни стал он отвыкать все более и более» [22, с. 191]. Случилось отвратительное: его, в конце концов, соблазнила сестра Александры Кирилловны – Sophie, знавшая о сложившихся романтических отношениях Алексея и Alexandrine. Впрочем, у Sophie своя история, которая многое объясняет: ее выдали замуж за нелюбимого человека; через годы, научившись не считаться с мужем, она, всегда нарядная и «эффектная», весело довольствовалась обществом поклонников, в число которых быстро попал Алексей Сергеевич. Об этом знали все, даже мать Александры Кирилловны, молодящаяся барыня, продолжающая искать внимания мужчин и растратившая состояние на наряды и удовольствия.

Мечта о любви, превратившаяся в любовь, всецело охватившую Александру Кирилловну, по мнению ее сестры Sophie, была «фантазией девственной души», «глупой фантазией» [22, с. 186], «детской фантазией» – так написал Алексей Сергеевич в последнем письме к Alexandrine, жестко прерывая с ней отношения. Александра Кирилловна не могла пережить обмана и горького понимания, что мать стала для нее «чужой женщиной», и сестра – «тоже чужая женщина» [22, с. 211]. Alexandrine выбросилась из окна гостиницы. Причины самоубийства девушки семья «прикрыла» разговорами о ее психической нездоровости («с детства проявлялись признаки помешательства») [22, с. 219).

Повесть подписана инициалами «Н. С.». Это требует дополнительного подтверждения авторства Н. П. Сусловой, тем более что в «авторской речи» повести однажды появляется «я *должен*» – возможно, с целью сокрытия авторства: «Для окончательного знакомства со всеми действующими лицами я *должен* (выделено мною. – Л. О.) познакомить читателя с молодым человеком, которого любила Александра Кирилловна» [22, с. 187]. В «Воспоминаниях» А. Я. Панаева подтверждает, что повесть принадлежит Н. П. Сусловой, но над названием «Чудная» [33, с. 349, 480]. Допустимо предположить, при редактировании повести Авдотье Яковлевне запомнилось первоначальное ее название. Однако в редакции журнала решили его изменить, используя неоднократно упомянутое в тексте слово «фантазия» и отождествляя «фантазию» с иллюзиями, заблуждением. Это расширяет смысл повести: «фантазии» – это не только мечты Александры Кирилловны о любви, а иллюзорное, до трагизма ошибочное представление о людях и циничных нравах в ее ближайшем окружении. Между тем как прежнее название «Чудная» легко ассоциировалось бы со словом «чудаковатая», т. е. «странная» («со странностями»), что снижало бы критическое напряжение текста.

Как видим, «Расказ в письмах» и «Фантазерка» содержательно привязаны к эпохе начала 1860-х гг. А. Я. Панаева была уверена, что г-жа Сулова «не продолжала свою литературную карьеру, посвятив себя медицинской науке» [33, с. 349]. Действительно, следующее большое произведение Н. П. Сусловой будет опубликовано лишь спустя 36 лет, в 1900 г. В жизни Н. П. Сусловой произошли большие изменения, сказавшиеся на ее понимании социально-политических процессов 1870–1890-х гг. и видении своего места в этих процессах. Нам потребуется обращение к истории ее жизни в эти годы.

Уехав в Цюрих учиться, она в начале 1869 г. возвратилась в Россию с дипломом доктора медицины, хирургии и акушерства. В Цюрихе познакомилась со швейцарским студентом Фридрихом Гульдрейхом Эрисманом (1842–1915). В 1865 г. Эрисман получил

звание доктора медицины в Цюрихском университете. Весной 1868 г. женился на Н. П. Сусловой; на свадьбу из Граца приехали И. М. Сеченов и его гражданская жена, подруга Н. П. Сусловой М. А. Обручева-Бокова.

Надежда Прокофьевна не соглашалась остаться за границей и еще до свадьбы сумела склонить Эрисмана к переезду в Россию. Сохранилось письмо Ф. Эрисмана от 12 февраля 1868 г. к Н. Сусловой, в ту пору еще невесте (перевод с немец. яз.):

«С тех пор, как я понял, что ты являешься дочерью своего народа, я уже не пытаюсь больше отыскать для себя поле деятельности. Свои планы я тоже изменил. Как жаль, что я не являюсь твоим соотечественником! В настоящее время могу считать, что я происхожу из твоего народа, потому что идеи, которыми живет твой народ, мне гораздо ближе, чем те, которые волнуют людей у нас на Западе <...>» [27, с. 59].

И, готовясь ехать в Россию, Эрисман принялся изучать русский язык по книге И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», а вскоре начинает работу над переводом с русского языка на немецкий книги В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» [27, с. 59].

В России принял «удобное» в произношении имя «Федор Федорович». Сделал немало для развития социально-гигиенического направления медицины, в Москве был установлен памятник Ф. Ф. Эрисману (перед зданием Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова). Из России вынужден был выехать после увольнения в 1896 г. из Московского университета за поддержку студенческих волнений. До конца дней оставался социалистом.

Возвратимся к 1860-м гг. В Петербурге Н. П. Сусловой пришлось сдать экзамены, подтверждающие ее специализацию; ей разрешили, в порядке исключения, частную врачебную практику. Поселились они с мужем в Петербурге на углу Ивановской улицы в д. № 6 на первом этаже в кв. № 17 [9, л. 2 об.]. Но жизнь в Петербурге оказалась далеко не спокойной. За супругами Эрисман установили полицейское наблюдение. Было подозрение, что Надежда Прокофьевна связана с народовольцами. Предполагались и связи с политическими эмигрантами, с Герценом. За границей с А. И. Герценом Н. П. Сулова действительно встречалась. В Женеву к А. И. Герцену ее привезла сестра Аполлинария Прокофьевна, с которой Герцен уже был знаком. О встрече свидетельствует короткая, но характерная фраза из письма Герцена к Н. А. Герцен от 17 июня 1865 г.: что были у него «вице-нигилистка из Цюриха Сулова с сестрой – доктором медицины (эта девушка очень умная – жаль, что ты ее не увидишь)» [6, с. 80].

Сохранившиеся в ГАРФ полицейские отчеты доносят до нас представление о жизни супругов Эрисман в 1870-е годы. Например, о часах приема больных Н. П. Сусловой: «Больных принимает к себе жена Эрисман с 1-го часа дня по понедельникам, вторникам, четвергам и субботам. Определенное число 20 женщин, затем кончает прием» [9, л. 37]. Сообщается обо всех приходящих к Эрисманам и уходящих: «вышли две негилистки» (так в тексте. – Л. О. [9, л. 25, 31]), «проследили стриженных» (стриженных. – Л. О.) [9, л. 24]. Встречаем фамилии известных людей (врачей, издателей), с которыми общались супруги Эрисман. Некоторые отчеты достойны цитирования. Скажем, за 18 сентября 1872 г. (записи приведены к нормам современной грамматики с сохранением характерных ошибок):

«Наблюдающими за г. Эрисманом замечено, что к подъезду, где он квартирует, около 10-ти часов утра был привезен на ломовом извозчике воз книг, толщиною в корешке в три пальца, имеющих обложку сиреневую и зеленую, полагая приблизительно в 400 экземпляров, вследствие чего наблюдающие, желая удостовериться как в содержании книг, так и об лице, к которому книги были привезены, могли выработать только то, что книги эти привезены в контору редакции “Неделя” Г. Гадебурову (П. А. Гайдебурову. – Л. О.), но содержания их узнать не могли по той причине, что от подъезда воз был ввезен во внутренность двора и затем перенесены в квартиру редакции “Неделя” все книги при большом стечении дворовой прислуги, мешавшей наблюдающим утащить или узнать содержание их» [9, л. 32 об.–33].

Начальственная резолюция карандашом: «Через полицию сделано распоряжение узнать, какие это книги» [9, л. 32 об.]. Полицейские распоряжения по результатам наблюдений также достойны цитирования. 15 сентября 1872 г.: «Составить ведомость всем лицам, с которыми супруги Эрисман сообщались во время наблюдений. При чем представить справки по агентуре и о лицах, помимо уже известных» [9, л. 29 об.]¹ Ф. Ф. Эрисман часто выезжал в Швейцарию, где у него оставались родные, и эти отъезды еще более настораживали полицию.

Среди петербургских знакомых семьи Эрисман был врач Александр Ефимович Голубев, с которым Н. П. Сулова познакомилась еще в Граце (Австрия), где они одновременно стажировались в 1867 г. А. Е. Голубев происходил «из обер-офицерских детей», в 1857 г. закончил Казанский университет. 8 лет служил врачом в Сибири; переехав в Петербург в 1865 г., работал в военном госпитале. В 1867 г. проходил стажировку на медицинском факультете университета в Граце у известного физиолога и гистолога А. Роллета, у которого в это время работал И. М. Сеченов и стажировалась Надежда Прокофьевна. Встреча послужила началом их дружбы, потом переписке. Возвратившись из Граца с дипломом доктора медицины, А. Е. Голубев недолго работал в Казанском университете. Выйдя в 1871 г. в отставку в числе семи профессоров университета в знак протеста против увольнения профессора П. Ф. Лесгафта, перебрался в Петербург, стал экстраординарным профессором Медико-хирургической академии, преподавал на курсах акушеров при Медико-хирургической академии. В эти годы стало понятным, что Н. П. Сулова и А. Е. Голубев, пережившие много разочарований и горестей, имеют много общего в судьбах и характерах. В 1878 г. Н. П. Сулова приняла решение о разводе с Ф. Г. Эрисманом (документ о разводе получен в 1883 г.). А. Е. Голубев 15 апреля 1879 г. подал в отставку и переехал вместе с Надеждой Прокофьевной в Крым, в новый дом своего имения Кафель-Приморский. 25 января 1885 г. они поженились, вместе прожили вместе почти 40 лет.

Думается, еще в Петербурге Н. П. Сулова задумала и начала работу над новым произведением о 1860-х гг., а в Крыму подготовила текст к публикации. В июне 1900 г. в журнале «Вестник Европы» (издатель и ответственный редактор М. М. Стасюлевич) был напечатан ее новый рассказ (жанр обозначен под заглавием) «Из недавнего прошлого».

¹ За помощь в подготовке представленных документов выражаю благодарность Екатерине Викторовне Ульяновой (Перротте), прадед которой А. А. Перротте, будучи специалистом по виноделию, состоял управляющим крымским имением А. Е. Голубева Кафель-Приморский. Семейю Лыткиных-Перротте с А. Е. Голубевым и Н. П. Суловой-Голубевой связывали многолетняя дружба и взаимопомощь.

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. появилась мемуарно-биографическая проза участниц «женского движения». В большинстве своем это были публикации в журналах, что способствовало скорости издания и популяризации. Разумеется, Надежда Прокофьевна была знакома с этой литературой – как и со многими, уже далеко немолодыми, авторами публикаций. Естественно ожидать, что первая женщина-врач особенно взыскующе относилась к опубликованным воспоминаниям, «проверяя» в памяти пережитое, сопоставляя факты и их оценки, вынося «итоговое» представление об эпохе 1860–1870 гг. Думается, что именно желание высказать собственное мнение «о прошлом» руководило ею при написании рассказа для «Вестника Европы». Определенную информацию об истории публикации рассказа можно почерпнуть из писем Е. О. Лихачевой к Н. П. Сусловой, сохранившихся в фонде А. Е. Голубева.

16 января 1900 г. Е. О. Лихачева – Н. П. Сусловой:

«Дорогая моя, прошло уже более месяца с тех пор, как я послала тебе рукопись. Ты хотела вернуть мне ее с «оказией» <...> и я начинаю беспокоиться: дошла ли она до тебя? Пожалуйста, напиши мне два слова об этом.

Живу я так себе, устала, при всех ограничениях моей общественной деятельности. Надеюсь, что тебе живется сносно (хорошо, думаю, никому не живется).

От души обнимаю тебя и шлю поклон Александру Ефимовичу.

Твоя вечно, Е. Лихачева» [8, ед. хр. 26, л. 13].

24 февраля 1900 г. Е. О. Лихачева – Н. П. Сусловой:

«Дорогая моя, твоя рукопись отдана Стасюлевичу в руки. Он не сказал, когда она будет напечатана, но в редакции на это установлены свои законы, кот(орым) подвергается твой редактор» [8, ед. хр. 26, л. 16–16 об.].

Опираясь на эти письма, можем предположить (по письму от 16 января 1900 г.), что рукопись рассказа еще в конце 1899 г. Н. П. Сусллова переслала в Петербург своей подруге Е. О. Лихачевой для передачи М. М. Стасюлевичу. Возможно, оговаривалось условие, что без согласования с автором редакция ничего менять в тексте и сокращать не будет. Познакомившись с рукописью, М. М. Стасюлевич согласился на публикацию, но мог высказать какие-то свои замечания (пожелания). Для авторской корректуры Е. О. Лихачева выслала рукопись в Кастель-Приморский в середине декабря 1899 г. А в письме от 24 февраля 1900 г. она сообщает, что рукопись Н. П. Сусловой (по-видимому, новый вариант текста) уже получена и передана «в руки» М. М. Стасюлевичу.

Возможно, что с редактором обговаривалось и название рассказа. В то время были востребованы исторические исследования, воспоминания свидетелей исторических событий, разножанровые тексты, объединенные темой «из прошлого». Например, исследование С. С. Татищева «Из прошлого русской дипломатии» (1890). Причем особый интерес «из прошлого» вызывали 1860-е годы. В мае 1896 г. «Вестник Европы» (преимущественное внимание в журнале уделялось истории и политике) печатает статью Н. Котляревского «Наше недавнее прошлое» посвященную эпохе 1860-х. Автор статьи признавал, что в 1860-е гг. «работа была разрушительная и созидательная», но «если на первый взгляд может показаться, что разрушенного сравнительно больше, чем созданного, то в этом надобно винить не принципиально разрушительные стремления этих людей, а опять-таки исключительные условия»: «Эти условия предрасполагали

преимущественно к быстрому разрушению и были очень неблагоприятны для созидания» [18, с. 18]. В 1899 г. журнал «Женское дело», как уже было сказано, предпринял публикацию воспоминаний Л. П. Шелгуновой «Из далекого прошлого». «Вестник Европы» в майском номере 1900 г. под «сходным» названием печатает воспоминания Н. Крылова «Очерки из далекого прошлого» [19, с. 135–188], объемные и насыщенные фактическим материалом о подготовке реформы 1861 г., настроениях народа и помещиков на этапе ожидания реформы. В связи с этим нельзя исключать «связующий» издательский ход. Выпустив в мае «Очерки из далекого прошлого» Н. Крылова и запланировав в июньской книге журнала напечатать сочинение Н. П. Сусловой, редакция предложила для него «связующее» название «Из *не*давнего прошлого», тем логично переводя историческую тему «эмансипация крестьян» к исторической теме «эмансипация женщин». Это лишь предположение, хотя в рассказе Н. П. Сусловой такой «связующий фрагмент» будто предусмотрен – когда об исторической связи крестьянской реформы с развитием «новых» идей говорит героиня рассказа Вера:

«В ту пору только что пало крепостное право; всеми чувствовалось радостное возбуждение от свершившегося, бодрость для будущего <...>. Время общего подъема духа, широких стремлений и добрых дел... <...>» [25, с. 627].

Объем «Из недавнего прошлого» Н. П. Сусловой и «география» развития действия (безымянное подмосковное селение, Париж, Швейцария, Сен-Готард, Борромейские острова, озеро Маджоре, Цюрих – и вновь Россия), а также графическое разделение текста римскими цифрами на фрагменты, скорее, соответствуют жанру повести. Начинается рассказ сценой у озера в Подмосковье (ч. I): сестры Елена и Вера, собираются уехать за границу учиться. У Елены – есть жених, Виктор; они счастливы. Юная Вера поддерживает старшую сестру и Виктора в желании учиться, «чтобы стать способными к хорошей трудовой жизни» [25, с. 624], хоть и предостерегает от «необузданности», стремлений «все знать, все видеть, во всем живом принимать участие...» [25, с. 624]. Елена и Виктор говорят мало; концептуально значимые вопросы проясняются в монологической речи Веры. В частности, о родителях: они, «выйдя из народа, из бедности», «вынесли суровую школу мучений всякого рода, которая смягчила их до чрезвычайной чуткости и отзывчивости к другим людям» [25, с. 624–625]. «Только труд дает содержание и смысл человеческой жизни», – убеждена Вера [25, с. 627]. В этих словах прямая перекличка со стихотворением Н. П. Сусловой «Труд» («Полюбите всем сердцем вы труд!»):

*«Крепнут силы и крепнет душа
В благородной, посильной работе;
С ней нам жизнь, как любовь, хороша,
Нет в ней места хандре и заботе...»* [23, с. 390].

На вопрос Виктора, как возникло желание стать врачом, Вера отвечает:

«Наше теперешнее настроение сложилось медленно и постепенно под влиянием многих <...> иногда неуловимых впечатлений. Первое влияние <...> оказала угрюмая обстановка нашего детства: бедность, лишения, теснота и суровость жизни; чрезвычайно добрая, но пассивная мать, энергичский, но угрюмый отец, свобода и простор бесконтрольного уличного воспитания с его случайными впечатлениями. <...> Потом нашу скороспелость довершила плохая, обыкновенная у нас школа <...>» [25, с. 626].

При этом Вера размышляет, что «тяжелые впечатления иногда действуют благоприятно»:

«Раздражая и огорчая, они вызывают иногда <...> потребность в лучших условиях <...> Сначала нас волновало недовольство, потом туманное стремление к лучшему, которое определилось впоследствии чтением и окончательно установилось общим настроением тогдашнего образованного общества. В ту пору только что пало крепостное право <...> Я стала искать себе занятия, которому мне бы хотелось посвятить собственную жизнь, и тогда две огромные по своему значению работы привлекли мое внимание и сочувствие – воспитание детей и уход за больными <...> Я решила, что уход за больными проще, легче, доступнее, чем воспитание души. <...> Сделав такой выбор, я, конечно, пожелала научиться этому делу как возможно больше и как можно лучше, и мысль, что такое занятие в своем полном размере обыкновенно не представляется женщинам, не могла уже остановить меня» [25, с. 627].

Похоже, автор передает свои мысли героине рассказа.

После отъезда Елены и Виктора (Ч. II) Вера сблизилась с семьей Станевских, студентом Александром и сестрой его Анной. Семья Станевских стала «центром лучшей молодежи тогдашнего образованного общества» [25, с. 629], состоявшего из людей, «для которых ранние потрясения, боль и тяжкие утраты бесповоротно нарушили мирное течение их развития и преждевременно толкало их на общественное дело», и самое «жесткое противодействие не могло усмирить эти души, жаждавшие какого-то подвига» [25, с. 630]. Это была «сияющая самоотверженностью молодежь», с «фантастичностью замыслов» [25, с. 631]. А Вера смотрела на присутствующих «с тоской» и мыслью, «как спасти, <...> остановить их движение к гибели» [25, с. 631].

Вопреки ожиданиям, отец Веры благословил ее план учиться за границей: «Я верю тебе, я уважаю тебя, я люблю тебя и потому хочу твоего счастья и буду способствовать всеми доступными мне средствами исполнению твоих планов... Я не сочувствую твоему пути, но я знаю, что ты не пойдешь по дурной дороге...» [25, с. 633]. Здесь отметим, что отец Н. П. Сусловой, П. Г. Сулов, хоть и родился крепостным, был грамотным человеком и, благодаря трудолюбию и честности, стал управляющим в имении графа Шереметева. Очень заботился об обучении своих детей Василия, Аполлинии и Надежды. Логично привести здесь отрывок из его письма, посланного 21 августа 1874 г. дочери Надежде и ее мужу за границу после недавней смерти (в 1873 г.) брата Н. П. Сусловой Василия. В письме П. Г. Сулова – выстраданные строки о своей родительской тоске по незабвенному сыну. И далее:

«Для нас очень утешительно, что вы оба здоровы <...>. Отдыхайте, отдыхайте, друзья, для новых подвигов на пользу страждущих. Счастлив тот, кто может помогать своему ближнему. Жизнь людей как будто нарочно устроена так, что один другому нужен и без помощи, взаимно одним другому делаемой, невозможно существование человеческого общества.

Что касается до нас самих, то мы, благодаря Бога, живем пока втроем по-прежнему <...>» [29, с. 69].

Представляется, что Н. П. Сулова включает разговор с отцом в текст рассказа в знак памяти о своих родителях, так много сделавших для дочерей. Далее еще заметнее будет влияние родительского воспитания на взгляды и убеждения Н. П. Сусловой. И это тоже элемент автобиографизма в тексте, хоть и вуалированный. Прямых ассоциаций со своей

героиней Суслова избегала. Кроме обучения медицине за границей, Веру с автором ничего «не связывает». Это способствует свободе в развитии сюжета и, главное, свободе автора «передать» героине собственные мысли об увиденном, услышанном, пережитом. И, отметим, никакой биографической, даже ассоциативной, связи между сестрой Веры Еленой и сестрой Надежды Сусловой Аполлинарией нет.

Итак, через два месяца Вера приезжает к сестре в Париж (ч. III) и узнает, что сестра в браке оказалась несчастной. Обе девушки не могли и подумать, что «обман, измена и тому подобное могут проникнуть в их личную жизнь» [25, с. 637]. Вера отчаянно смотрит на Париж, «великий город», с надеждой найти «добрые влияния», которые подняли бы силы», «спасли бы от блужданий, безумия и отчаяния» – и не находит: «Неужели все привлекательно только издали, <...> и только при опьянении юношеской любовью к жизни, а вблизи поражает грубостью форм, пошлостью содержания?..» [25, с. 637–638]. Ей пришлось познакомиться и с обществом Виктора (ч. IV), состоящим из циничных сплетников «с сочиненными чувствами» [25, с. 641], «охотно спускающихся», «в качестве участливых сердцеведов», «в глубину сердца людей»: «После милостивого суда, когда ими была окончательно перетрепана и вывернута наизнанку предполагаемая внутренняя жизнь и достаточно опозорена, разговор перешел от частных на обобщения» [25, с. 639] с выводами, что «сердце может быть не удовлетворено своей первой любовью, <...> а последующие привязанности могут быть прочнее» [25, с. 640]. Вера видела во всем этом «адскую смесь легкомыслия, жестокости и пустоты», «суетную толкотню и праздный разговор на высокие темы при холоде и черствости сердца» [25, с. 641]. Так Суслова выступает против циничного отношения к браку, любви, против разврата, замаскированного под «идейные» позиции.

И действительно, «красивая, ничем не занятая, скучающая» Мария Ивановна, жена химика Владимира Алексеевича Шилова, «тихого», «ничем не выдающегося и совершенно заучившегося» [25, с. 639], часто бывала у Виктора (ч. V). Вера убеждается, что «прежние слова» Виктора «о драгоценности дружбы и сотрудничества» в семейной жизни «говорены <...> с чужого голоса», «а ныне забыты перед повелительным голосом собственных внутренностей»: «Мы сами виноваты, <...> что не поняли элементарности Виктора. Мы приняли младенческий лепет вечного подростка за убежденные слова установившегося человека и отдали в его руки судьбу Елены, а он <...> теперь порхает от одного настроения к другому <...> по легкомыслию и неустойчивости» [25, с. 645].

Чтобы как-то отвлечь Елену от угнетающих чувств, Вера увозит сестру в путешествие по самым красивым местам Европы (ч. VI). Поселившись на несколько недель близ озера Маджоре, рассчитывает на «примиряющее влияние природы». Но «состояние души Елены не прояснилось»; «из семейного разлада она вынесла одно отвращение к жизни, <...> ничего не желала от будущего» [25, с. 646]. Уговорив Веру вернуться к учебе и обещая спокойно пожить на красивом озере еще несколько дней, а потом возвратиться к мужу (ч. VII), Елена покончила жизнь самоубийством. То, с каким психологическим проникновением переданы долгие мучительные мысли Елены перед последним решением, говорит о стремлении Н. П. Сусловой оставить в памяти читателя картину трагических последствий так называемой «свободы» отношений.

После смерти сестры Вера, продолжив обучение медицине, вела затворнический образ жизни (ч. VIII). И вновь испытывала разочарование: «Симпатичное дело – посильной помощи страждущему – выродилось в уродливость: облегчение больного – не единственная цель оказывающих помощь, а повод для состязательной борьбы самолюбий и тщеславия» [25, с. 653]. Пережила Вера и короткое увлечение Николаем Павловичем,

русским врачом, приехавшим за границу «на несколько месяцев для научных занятий» (Ч. IX). Вновь встречаемся с детальным психологическим анализом чувств Веры: от «просветленности» любовью – до горького открытия, что за внешним обаянием «спрятан» другой тип личности. Николай Павлович «пространно и красиво высказывался» [25, с. 657], «тепло говорил о России, о своем стремлении к общественной деятельности» [25, с. 658], но, как выясняется, «его холодное сердце было недоступно для теплых привязанностей» [25, с. 660], зато был «технический навык к предательству» [25, с. 663]. «О, неужели я его любила? – поражена Вера. – Любить можно только что-либо прекрасное, высокое. Но как любить человека лживого, порочного, человека без сердца? Как можно любить бездушие, безобразие?» [25, с. 664].

После восьми лет пребывания за границей Вера уезжает в Россию, предварительно посетив могилу сестры (ч. X). Все тусклее было ее впечатление от европейских городов, где «один мрак, человеческое недружелюбие, война каждого с каждым и со всеми вместе, механические связи» [25, с. 668]. Ее радует скорая встреча с Родиной, но пугает предчувствие, что «при первых же ее шагах ее сомнет могущественное течение установившейся жизни и раздвоит ее беспомощную душу, где, как в маленькой лампадке, теплятся добрые чувства. Но нет ни сил, ни желания бороться» [25, с. 668]. Случайно встретила в купе Александра Станевского; узнала, что от «радикальных» он отошел, поняв, что делать нужно то, что возможно в сложившейся обстановке. Он не изменил своим стремлениям, хотя стал чиновником и идет «совершенно не той дорогой, которую предполагал идти в юности» [25, с. 669]: «Я учитель, я доктор, я литератор <...> я ищу участия во всяком, по-моему, хорошем общественном деле, <...> я бросаюсь во все миры, хватаюсь за многие дела, лишь бы они казались мне добрыми и касались многих» [25, с. 670]. Узнала Вера и о судьбе Анны, сестры Станевича: «...приспособилась к новым течениям, теперь с весом и влиянием, в замужестве» [25, с. 671]. На вопрос о Наталье Алексеевне Ливневой, подруге Анны, которая «во все вносила сердечность» и которая поэтому нравилась Вере, Александр ответил коротко, с горечью: «А Наталья Алексеевна погибла... Знаете, в процессе... Теперь – Бог знает, где она...» [25, с. 671].

Мы подошли к итоговой мысли рассказа. «Что же осталось реального, – думала Вера, приближаясь к Москве, – от всего нашего милого прошлого, от всех наполовину погубленных, наполовину искалеченных друзей незабвенной юности? Лучшие, прямолинейные, великодушные – погибли без следа, худшие – из самосохранения переделались во что-то убогое, уродливое. Все *тогдашнее* разбито, разбросано, почти стерто с лица земли» [25, с. 672]. «Нет, не воевать, не бороться, – приходит к выводу она, – а всем сердцем сострадать всем страждущим хочу я в этой общей свалке и быть им полезной... Кому же стараться быть полезной? Кому служить в жизни? Тем ли, кого я понимаю и кому сочувствую, или всем, кому помочь сподобит случай? Да, всем, кому можно, не разбирая правых и виноватых. Мое ли это дело – судить других людей? Мне ли, слабой, еле держащейся на ногах, – порицать, осуждать? Нет, служить нужно всем, кто страдает, потому что нет для меня отныне ни правых, ни виноватых, а есть только более или менее несчастные» [25, с. 672]. На родине, на холме, где 8 лет назад она сидела с сестрой и мечтала, Вера все это произносит как решение на всю оставшуюся жизнь.

«Туда! Туда! – вскричала Вера, опять, как восемь лет назад, вскакивая с места и тем же порывистым жестом простирая вдаль руки. – Придется оставить навсегда высокомерные помыслы – спасать людей и ломать строй окружающей жизни. Теперь я буду считать себя счастливой, если сумею хоть кому бы то ни было помочь в трудном положении, облегчить какое бы то ни было

горе, одним словом, совершить не подвиг, а простое проявление любви и милосердия и оживить мое сердце настолько, чтобы оно могло всех любить и все простить: в этой простой формуле собрались результаты всей моей духовной жизни – вся премудрость многолетней работы головы. Все живое чувство сердца...» [25, с. 673].

Это заключительные слова в рассказе. Внизу имя автора – Надежда Сулова.

Если искать в рассказе автобиографические параллели, то они, как мы уже отметили, угадываются в главных жизненных ситуациях Н. П. Суловой: Вера, как и Н. П. Сулова, выросла в небогатой трудовой семье со строгими христианскими нравами; уехала учиться медицине за границу, где прожила несколько лет. Упомянутые по ходу действия географические объекты, конечно, тоже знакомы Суловой; воспроизведенные впечатления от увиденных европейских городов (в частности, Парижа) – собственно авторские. Имена героев вымышлены, иные созданы по прототипу, что, по замыслу Н. П. Суловой, не должно угадываться. По сути дела, у Веры (у Н. П. Суловой), происходит не переоценка ценностей (в этом она тверда), а переоценка идеологических концепций изменения общества и тактики сопротивления злу. Такая постановка темы соответствовала либеральной стратегии «Вестника Европы». Нам понадобился столь подробный анализ рассказа «Из недавнего прошлого», чтобы провести логические связи с последним произведением Н. П. Суловой, которое она также готовила для «Вестника Европы». В новом литературном произведении Н. П. Суловой предлагает дальнейший рассказ об исканиях, сомнениях, принципах и решениях Веры из «Недавнего прошлого». В рукописи Н. П. Суловой «Мечты и действительность» Вера – уже практикующий врач; жизнь воспринимает глазами взрослого и немало повидавшего человека.

Кроме того, «Из недавнего прошлого» и «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» сходны по «финальной» кульминации текста: это монолог главной героини в форме высокой риторики (по сути, «призыв» к читающим), программа дальнейшей жизни. Характерно, что собственный «вердикт», «заключение» по «пересмотру прошлого» обе героини произносят не перед слушателями, а в одиночестве и – на родном природном ландшафте: на холме у родного селения в «Недавнем прошлом» и на берегу Черного моря, где Вера поселилась с мужем в «Мечтах и действительности». Наблюдаем и структурное сходство произведений. Текст делится на нумерованные фрагменты, подобно разделению сцен (действий) в драматургии, и, в соответствии с драматургическими законами, каждое действие предполагает появление новых персонажей, усложнение интриги или смену места действия. В результате в обоих текстах Н. П. Суловой ощутима подчеркнутая («выпуклая») структурность, достигаемая прерывистостью (дискретностью) сюжета и «подбором» идейно «нагруженных» сцен. Думается, что избираемая Н. П. Суловой форма «финальной» кульминации также вырастает из структурной логики драматургии.

Представляя сегодня алуштинскую рукопись Н. П. Суловой, считаем необходимым коротко рассказать о жизни супругов Голубевых в Крыму. А. Е. Голубев родился в небогатой семье унтер-офицера, причем тяжелобольного. Потому особо подчеркнем, что средства на покупку большого участка в Крыму «происходили» из доходов от золотых приисков в Сибири, оставленных А. Е. Голубеву в наследство его сводным братом А. А. Семяевым в 1864 г. [30, с. 438; 28, с. 192–193]. Выйдя в отставку, А. Е. Голубев поселился с Надеждой Прокофьевной в Кастеле-Приморском. Занимался садоводством, виноградарством, виноделием; за вино «Кастель-Приморский» на Петербургской выставке в октябре 1910 г. Российским Обществом плодоводства А. Е. Голубеву была

присуждена малая серебряная медаль. Труд «на земле» А. Е. Голубев считал нравственным долгом. Но при этом не оставлял научных исследований по гистологии; выступил с докладом на проходившем 28 декабря – 4 января 1910 г. VII Съезде русских естествоиспытателей в Москве [30, с. 439]. Профессор-гистолог, кстати говоря, и стихи писал, и опубликовал в Одессе небольшой сборник под псевдонимом «Сибиряк» [7]. Надежда Прокофьевна тоже работала в саду, в цветнике у дома и гордилась выращенными растениями. Кроме того, открыла амбулаторию, где бесплатно принимала больных. Уроженец этих мест Сундукчи Умер Ашир, который с 13 лет работал в имении Голубевых на обрезке и подвязке винограда, вспоминал, как Надежда Прокофьевна, «маленькая, сгорбленная, хлопотливая старушка», лечила бесплатно женщин, ежедневно 8–10 человек: «Я был мальчиком, мне говорили: “Очень много помощь дает, принимает только бедных”» [37, с. 52]. Н. П. Сусллова открыла бесплатную школу для девочек, помогала Алуштинской и Ялтинской гимназиям, широко занималась благотворительностью. Жизнь своей она совершенно подтвердила высказанное в ее стихотворении «Труд» убеждение: «Жалок праздный, изнеженный люд, / Жизнь влачащий, как скучное бремя» [23, с. 390].

В 1913 г. А. Е. Голубев заболел глаукомой, в 1917 г. ослеп. Но, готовясь к такому исходу, успел освоить пишущую машинку и пользовался ею до конца дней, продолжая научную работу. После кончины жены от сердечного приступа в апреле 1918 г. он оставался жить в нескольких отапливаемых комнатах своего дома, пользовался помощью сиделки, ему выделялся академический паек. В остальных помещениях были поселены местные жители, здесь и сейчас живет 9 семей. Дом сохранил первоначальные внешние формы, внутри произведена некоторая перепланировка. Н. П. Сусллова и А. Е. Голубев похоронены на небольшом кладбище, на холме у берега моря в их бывшем имении.

Как уже сказано, рукопись очерка «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» не датирована. В письмах Н. П. Сусловой начала 1900-х гг. упоминаний о литературной работе не встречаем. Но, кроме рабочих вариантов рукописи, хранящихся в фонде А. Е. Голубева, существовал «чистой» список, который был отправлен для публикации, что подтверждается двумя письмами, адресованными Н. П. Сусловой. Так, письмо от редактора «Вестника Европы» К. К. Арсеньева от 28 ноября 1908 г. извещало о том, что «рукопись передана в новую редакцию журнала, помещающуюся на Знаменской улице д. 34, куда и следует обращаться впредь» [8, ед. хр. 75, л. 12 об.].

Здесь необходимы пояснения. С 1866 г. до 1908 г. редактором и издателем Вестника Европы был М. М. Стасюлевич (1826–1911), и, как помним, именно ему «в руки» в 1900 г. Е. О. Лихачева передала рукопись Н. П. Сусловой «Из недавнего прошлого», опубликованную М. М. Стасюлевичем в июне того же года. Тогда редакция журнала находилась в доме, где более полувека жил (и оставался жить) М. М. Стасюлевич: Галерная улица, д. 20, кв. 80. Судя по всему, Н. П. Сусллова новую свою рукопись «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» отправила по этому адресу осенью 1908 г. Она еще не знала, что М. М. Стасюлевич решил передать редакторство «Вестника Европы» К. К. Арсеньеву, и в конце 1908 г. редакция журнала разместилась по новому петербургскому адресу – на ул. Знаменской, д. 34.

4 января 1909 г. Н. П. Сусловой получено новое письмо из «Вестника Европы»:

*«Милостивая Государыня. Редакция, к сожалению, не может воспользоваться присланной Вами рукописью. С искренним почтением,
Н. Котляревский»* [8, ед. хр. 75, л. 10–10 об.].

Как видим, ответ новой редакции формальный, причины отказа не объясняются. С одним словом в письме Н. Котляревского можно согласиться: «к сожалению».

Н. А. Котляревский (1863–1925) принадлежал к новой формации публицистов, исследователей литературы; в 1900-е гг. он уже автор публикаций ряда публикаций на различные исторические и литературные темы, широко известный в литературных кругах и впоследствии ставший первым директором Пушкинского Дома. Его мнению доверяли в «Вестнике Европы». В 1900-е годы журнал ориентировался на новые запросы читателей начала XX в. Эта мысль ясно звучит опубликованном в ноябрьском номере журнала 1908 г. обращении нового редактора К. К. Арсеньева «От новой редакции журнала “Вестник Европы”». Объявляется, что «ближайшее участие в трудах редакции будут принимать М. М. Ковалевский, Н. А. Котляревский, В. Д. Кузьмин-Караваев, А. С. Посников и Л. З. Слонимский» [1, с. 3].

Думается, в понимании Н. А. Котляревского, текст Н. П. Сусловой, кроме того, что был архаично длинен, с «тяжелой» стилистикой, не соответствующей новым тенденциям в литературе и журналистике, не содержал конкретной исторической информации и сводился к идеям толстовства, против которых открыто выступил Н. А. Котляревский в 1898 г. [17]. Неискушенность Сусловой в вопросах литературы и журналистики «нового времени» очевидна. Но столь очевидно из ее рукописи желание донести до читателей свое неприятие политического радикализма, тревожащие ее душу предчувствия опасного развития событий в стране. Приверженность учению Л. Н. Толстого выростала из сложившихся убеждений о службе страждущим, из исконного и незыблемого долга врача помогать всем нуждающимся независимо от симпатий и обстоятельств. Ясное и по-своему аргументированное заявление об этом в художественной форме уже делает рукописный текст Н. П. Сусловой *литературным фактом*. Как, впрочем, и ответ Котляревского из «Вестника Европы» с подчеркнутым использованием уже уходящей из этикета формы обращения «Милостивая государыня» – без имени и отчества.

Действие в рукописи Н. П. Сусловой «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» относится к концу 1870-х гг., когда уже не удивляло стремление женщин к образованию и труду. Очерк открывается картиной, где на исходе «петербургского дня» в «просторной, с суровой простотой обставленной комнате», «расположившись за большим столом, заваленным книгами, оживленно разговаривали три молодые девушки». Юлия, блондинка «с миловидным лицом», воспитательница и учительница в состоятельных семьях, со слезами рассказывает о своей работе, к которой стремилась, но к которой теперь чувствует неспособность, «неосведомленность», «неясность руководства», тем более когда в семье ребенок получает совсем другие нравственные ориентиры, учится «дурному живыми примерами из окружающей действительности»: «Только при полной душевной окаменелости можно работать при безнадежных условиях, потому что для всякого осмысленного труда необходима уверенность в правильной постановке своего дела и своей способности его выполнить» [8, с. 3, 5]. Ей в ответ черноглазая переводчица Анна «вскрикнула, как от боли»:

«А мои неудачи и огорчения иного происхождения! Я понимаю тяжесть дела, которым не удается овладеть вполне, вследствие чего оно не ладится и валится из рук, но я лично страдала не от трудностей занятия, а от отсутствия серьезного дела <...> Тоска от бессодержательности и холода ничем не занятой жизни заставила меня усиленно искать полезного труда. Я всем моим существом желаю служить людям, делая только полезное и доброе, но часто недоумеваю, где добро и в чем зло» [8, с. 15].

Анна рассказывает о детстве, юности, как готовилась к труду, мечтала «пристроиться к книгоиздательскому делу». Теперь же, выполняя редакторские заказы, понимает, что «переводы и компиляции» не соответствуют ее «потребности деятельно участвовать в окружающей жизни», «в тяжкие минуты раздумья кажутся <...> никому не нужным *переписыванием* не всегда хороших книг», а «предполагаемая полезная деятельность от разноречий и несогласий вырождается в себялюбивое и корыстное ремесло...» [8, с. 22].

В разговор вступает третья из подруг, Вера, «с длинной русой косой», задумчивая и «очень бледная». Девушке, как понятно станет из дальнейшего, отведено место главной героини в повествовании, потому описание ее внешности подробнее: «Серьезное, даже сумрачное лицо ее, казалось, никогда не прояснялось радостными улыбками на все живое доверчиво и ласково отзывающейся молодости, и вся ее проникнутая фигура и печальные глаза выдавали глубокое душевное недомогание» [8, с. 22]. Обращаясь к подругам, Вера буквально «взмолила»:

«Не гасите Вашей душевной энергии праздными рассуждениями о недостатках Вашего дела! Что может быть выше работы, избранной по склонности и подкрепленной опытностью. Душевное расположение к взятому на себя делу и добросовестное исполнение его возвышает всякое занятие и дает прочное основание для удовлетворенности и счастья» [8, с. 23].

Вера признается, что и ее работа врача «имеет свои темные стороны»:

«Когда я готовилась стать врачом, <...> казалось тогда, что на врачебном поприще легче сделаться нужной и полезной окружающим людям, <...> в действительности все вышло не так. <...> Около меня стали толпиться не беспомощные несчастливцы, которых я ждала и участием к судьбе которых желала осмыслить мою жизнь, а праздные и скучающие люди, приведенные ко мне любопытством и поисками развлечения и потехи. Передо мной стали мелькать суетные, ничем не занятые женщины, от скуки и праздности считавшие себя больными и этим создавшие себе повод для посещения многочисленных врачей, и потом в немудрой критике полученных советов и в пересказах замеченных у каждого врача приемов обращения с больными, находившие себе убогое развлечение. При дальнейшем ознакомлении с существующей постановкой врачебного дела, я убедилась, что лечение <...> не подвижничество и священнодействие, каким оно казалось издали, а простое врачебное ремесло, сопровождаемое дурными спутниками всякого ремесленно производимого дела, – взаимным соперничеством и недоброжелательностью в среде врачей и недоверчиво оборонительным отношением к врачам многих нуждающихся во врачебной помощи» [8, с. 24].

Большая цитата передает представление о беседе девушек: не короткие диалогические «части целого», свойственные разговорной ситуации, а пространные монологи из продуманных сложных предложений, «отяжеленных» причастными оборотами, придаточными предложениями. Почти сразу складывается представление, что концептуальные задачи автор предполагает решать не в сюжетных «переплетениях», а в сопоставлении мнений-монологов, которые в этом случае должны быть максимально информативны, ясны и структурно организованы.

Так, Вера долго говорит о врачебной практике, об условиях работы – и подводит к оценке пропагандистов радикальных политических действий:

«Считая себя призванными упорядочить мирскую жизнь (в текст позднее внесены слова: «без ясного представления об этом». – Л. О.), без всяких полномочий, даже без спроса и совета кого-либо, они, не имея ни терпения, ни умения изучить положение дел и найти правильный и для всех наименее тяжелый выход, считали нужным яростно нападать на охранителей существующего с одними негодными средствами и, таким образом, вся их преобразовательная работа выражалась до сих пор не в примерной жизни, не в подвигах великого труда на общую пользу, а в голословном проповедовании высоких, но неопределенных задач, в вызывающей толкотне на улицах, в демонстративных процессиях, в нападениях из-за угла и в жестокой жизни, вызывающей ужас и отвращение своими насилиями. Нужно полное нравственное безумие, чтобы совмещать желание свободы и общечеловеческого братства с измышлениями и практикой злодеяний, и для достижения общечеловеческого счастья причинять огромную массу зла! <...> Все, что до сих пор предпринималось для улучшения общественной жизни, исходя не от сострадательной любви к людям, а от холодного умствования, от злобы на основателей и охранителей существующего, от щегольства радикализмом и популярностью, оказывалось, по существу, или ребяческим озорством, или голым злодейством, и на таких дурных побуждениях основанная деятельность вносила в жизнь одно разорение, несчастье и смуту... Вместо братской охраны каждой человеческой жизни, вместо доброжелательного внимания и деятельной помощи всем ослабевшим, заблуждающимся и нуждающимся, <...> они восторженно приветствуют все общественные бедствия, утверждая, что чем хуже, тем лучше, потому что ухудшение жизни ведет ко всеобщему возмущению и, следовательно, к разгрому и перевороту... Вся их преобразовательная работа выражалась до сих пор не в примерной жизни, не в подвигах великого труда на общую пользу, а в голословном проповедовании высоких, но неопределенных задач, в вызывающей толкотне на улицах, в демонстративных процессиях» [8, с. 25].

Слушая Веру, девушки задают вопрос: «Так что же делать?». Вопрос «что делать?» звучит в тексте многократно, становясь главным для героев и читателей. Вера убежденно отвечает:

«Нужно, прежде всего, отрешиться от недостижимо высокой для нас задачи – переустроить мир, о чем мы не имеем никакого определенного представления <...> Справедливое переустройство мирской жизни должно совершиться естественным развитием самосовершенствования людей без всяких мучений и насилий. Только после долгого и упорного труда над своим духовным самовоспитанием и нравственным совершенствованием можно возвыситься до способности хорошо служить людям при непременно условии – помогать в нужде и несчастьи всем, без всяких различий и исключений; всех, насколько хватит сил, оберегать от зла и горя, никого не осуждать, никому и ни при каких условиях не причинять зла...» [8, с. 26].

При этом надо много трудиться: «Жизнь не наслаждение, а тяжелый труд, всегда неоконченный, всегда более или менее неудачный. Вложите же в этот труд все, что у Вас

есть дорогого на сердце, расходуите на него все Ваши телесные и духовные силы» [8, с. 28].

В споре девушек о будущем Вера «с тревогой и печалью» выступает против так называемого «общего воспитания детей»:

«...Я пока не представляю себе, чтобы оно было хорошо. Какое дело может быть значительнее, заманчивее и, наконец, обязательнее воспитания собственных детей! И возможно ли от него уклоняться в интересах какого бы то ни было ремесла... Женищина, у которой есть семья, уже пережила периоды тревожных исканий целей жизни, семья образовала вокруг нее очарованный круг, внутри которого должны уложиться все дела, все горести и радости ее жизни! Те женищины, которым тесно в таком очаровательном кругу, не должны в него заключаться, основавшись в нем; стремиться за его пределы – значит нарушать свои уже взятые на себя священные обязанности... Не говоря уже о всех пороках подобного заводского выращивания детей, от него отталкивает уже одно то, что при нем выпадает самый могущественный агент для развития сердца ребенка, безусловно необходимый для предохранения людей от полного одичания – влияние материнской любви» [8, с. 29].

По большому счету, читателю уже ясны убеждения автора, высказанные в первой главе рукописи, ясна и первая часть названия рукописи – «Мечты и действительность». Но что кроется под вторым названием – «Мертвая жизнь»? Этому посвящены остальные семь частей текста. Во второй части действие перенесено в квартиру доктора Петлицкого, где собирается студенческая молодежь и куда пришла Вера в тот день, когда «собравшееся общество», возбужденное «начавшимися в то время во многих высших учебных заведениях студенческими волнениями», обсуждало план «освистать» старого профессора за якобы «слышанное» от него «одобрение грубых полицейских мероприятий». Не поддерживал затею лишь сидевший одиноко молодой человек лет тридцати с «измученным и печальным лицом». Это был Владимир Петрович Степнин, «бывший доцент университета, недавно вышедший в отставку, чтобы переселиться в какую-то глухую провинцию» [8, с. 64]. Вера подошла к Степнину; они быстро сошлись во мнениях о происходящем, долго еще говорили. В образе Владимира Петровича угадываются некоторые биографические черты А. Е. Голубева, вышедшего в отставку в 1879 г. и готовившегося уехать в Кабель-Приморский. Только доценту Голубеву в 1879 г. было 43 года, а Надежде Сусловой исполнилось 36 лет.

В третьей части рукописи показаны новые встречи Веры на «многолюдных собраниях» молодежи. Подтвердились ее ощущения «деланности общественного настроения», отчего «слабые признаки жизни бесследно тонули в пучине мертвенного, деланного, вполне искусственного общественного настроения» (выделено мною. – Л. О.)» [8, с. 75]. Очередные собрания у Петлицких (Ч. IV) лишь подтверждают ее ощущения, «в отчаяние» приводят «безрассудные речи, представляющие противоречивую смесь стремлений к всеобщему братству и равенству, высокого догмата о непротравлении насилем – с оправданием жесточайших насилий над убеждениями, поступками и жизнями людей, с агитацией в пользу учебных и деловых забастовок и нападений из-за угла» [8, с. 71]. В тот день они говорили с Владимиром Петровичем «обо всем на свете, оба в каком-то экстазе, в припадке душевного голода по сочувствию и согласию»: «Они с увлечением открывали друг другу свои истомленные сомнениями и тревогами души и жили общими чувствами часа три в согласии и любви» [8, с. 78].

На другой день (Ч. V) Вера, «взволнованная вчерашними событиями, не могла взяться ни за какое дело»: «...Мысли были заняты Владимиром Петровичем. Она чувствовала, как он ей мил и дорог, но сознание скороспелости, а следовательно, возможной непрочности этой привязанности сильно смущало ее» [8, с. 103]. Откровением видится цитата:

«Ее уже давно тяготило одиночество, и она давно сознавала, что ей для ее благополучия необходима твердая опора, дружеская рука, теплоту и поддержку которой она бы постоянно чувствовала, нежные слова сочувствия и ободряющий взгляд правдивого друга. Она давно болезненно чувствовала отсутствие этих необходимых для нее условий жизни, и ей уже несколько раз мерещился между встречаемыми людьми много желанный образ ожидаемого друга... Она уже несколько раз ошибалась, как может ошибаться и теперь... (На полях рукописи авторское дополнение к тексту: «После нескольких часов внутренней борьбы она решила непременно выяснить размеры их взаимной привязанности, прежде чем связывать вместе их жизни». – Л. О.) [8, с.103].

«Мы оба знаем, как велики и часты несчастья личной жизни в окружающем нас обществе, – говорит Вера пришедшему вечером Степнину, – почти все известные нам браки после большей или меньшей продолжительности взаимного мучительства заканчивались тяжелым разрывом, и такое злополучие зависит в большинстве случаев от легкомысленного заключения браков, при вымученных обманом, кокетством и притворством чувствах друг к другу. Потребность личного счастья так велика и так плохо регулируется разумом, что люди при помощи самообмана заключают самые невероятные союзы. Как же можно допустить, чтобы мы, видевшие множество горя от неустройства личной жизни, от этого же бедствия пострадали сами: не зная, а вообразив сущность друг друга, представили бы себе, что любим друг друга и сошлись бы на общую жизнь, а потом страдали бы от так называемого “несходства характеров”, изводили бы себя вечными мучениями приспособления друг к другу» [8, с. 108].

Вот ответ Владимира Петровича и его понимание «свободы» личности в брачных отношениях:

«...Я чувствую, что не нервами и кровью, а сердцем люблю Вас, какая Вы есть, со всеми Вашими достоинствами и недостатками! Даже те Ваши особенности, которые мне кажутся слабостями, не отталкивают меня, не возбуждают во мне желания им противодействовать, переделывать и ломать их, т. е. мучить Вас! Я только соболезнаю, жалею Вас за эти слабости и желаю разделить с Вами их предполагаемые мною горькие последствия. Мне, нетвердому, часто ошибающемуся человеку, кажутся недостатками Ваши некоторые особенности, но у меня нет непоколебимой уверенности в этом. Как же я, любя Вас сердцем, могу решиться переделывать Ваши качества без твердой уверенности в их ошибочности и этим причинять Вам, может быть, совсем напрасное страдание! Жизнь укажет нам обоим наши заблуждения, и мы будем вместе переживать и переносить ее уроки. О нет, не переделывать Вас по желанному мною образцу хочу я, а делить Вашу жизнь, беречь Вас, жалеть, как трогательно выражает народ это чувство. Когда люди, сойдясь на всю жизнь, начинают переделывать друг друга для личного удобства и вести взаимную борьбу за свои права и преимущества, их жизнь превращается в грубое состязание эгоистов, отнимающих друг у друга свое добро – из предполагавшегося

сотрудничества любящих друзей, охраняющих друг друга от жестокостей жизни» [8, с. 109].

И добавляет: «...Счастье доставляет не внешний успех, не какое-либо хитроумное приобретение чего-либо замысловатого и труднодостижимого, а душевная удовлетворенность» [8, с. 109].

«...Не повторяйте, – воскликнул Владимир Петрович, – холодных измышлений бессердечных людей, утверждающих, что нельзя ручаться за продолжительность своих чувств. Нет, за свои чувства должно ручаться. Вся жизнь строится чувствами, и она была бы действительно непереносима при шаткости, неустойчивости своих основ, если бы все любимое могло превращаться в ненавистное, все дорогое – в ненужное, даже обременительное. Нет, нет! Изменчивы только физиологические ощущения и настроения, а не чувства, изменчива преисполненная эгоизмом половая страсть, изменчива вся путаница причуд и капризов людей, управляемых нервами, а не сердечные привязанности, заканчивающиеся только смертью. Разве можно утомиться любить свою мать, пересытиться дружбой братьев? Разве по отношению к этим крепким привязанностям возможна вся дьявольщина измен и предательства, которая разрушает личные связи в окружающем нас обществе? Как жаль, что, насмотревшись на дурную жизнь исковерканных людей, мы боимся друг друга и из-за этого страха и уродуем собственное существование» [8, с. 110].

Владимир Петрович посвящает Веру в свой план дальнейшей жизни: «Я скоро отсюда уеду в большую глушь, где предполагаю устроиться до конца моих дней. Хочу осесть на землю и в земледельческом труде искать, если не душевного удовлетворения, то, по крайней мере, успокоения от тоски по простой правдивой жизни, соответствующей моим силам и склонностям» [8, с. 112].

Как и думал Степнин, не было у Веры решимости уехать из Петербурга в сельскую глушь:

«Вы пока равнодушны к такому тихому обособленному существованию, Вас томит жажда широкого общения с людьми, общего движения к переустройству всего жизненного строя. Вы очарованы заблуждением, будто всеобщую жизнь можно по неведомому праву и неизвестным волшебным образом изменить сразу насильственными мерами. О, как спасти Вас от этого пагубного ослепления, как уяснить Вам, что мы не можем, не знаем и никогда не сможем узнать способы спасти человечество, а должны считать себя счастливыми, если усилиями целой жизни сумеем поставить на ноги трех-четырёх брошенных детей и не только, выучить их чтению и письму (какая польза в этой неодухотворенной грамотности!), а направить их на добрый путь, пробудив и укрепив в них добрые чувства. О, зачем Вам нужно для Вашего самосовершенствования озлобленное общество обезумевших от ожесточения людей?» [8, с. 113].

Решили расстаться на какой-то срок, чтобы проверить свои чувства. Степнин уехал в Крым, Вера осталась в столице (Ч. VI). Ее «свободное от обязательных занятий время стало вновь заполняться случайными встречами, пустыми разговорами, состоящими из никому и ни для чего ненужных заявлений каждым своих радикальных мнений о разных разностях, поголовного осуждения всех и злобных попыток унижить и провалить все мнения и убеждения, не согласные со своими» [8, с. 117]. В жизни молодежи происходили изменения, связанные с жесткими политическими процессами и смертными

приговорами. За период 1879–1882 гг. было проведено 99 политических процессов с общим числом подсудимых в 470 человек; суды вынесли 67 смертных приговоров. «А те, кто шел на смерть, даже собственную казнь старались превращать в оружие (теперь уже последнее) революционной борьбы» [40, с. 185]. «А между тем, время шло, – читаем в рукописи, – подвергая всех переделке и перетасовке. Вышла замуж кудрявая жизнерадостная Юлия, исчезнув из вида всех ее знавших. Никому из ее прежних подруг не было известно, как ей живется в замкнутой семейной жизни. <...> Она вся ушла в исполнение какого-то взятого на себя долга и только потому цела, что несет свой крест, стараясь твердо держаться на ногах для невредимости своей ноши! Умерла, сгорев от бесконечных тревожений, хрупкая и задорная Анна, разошлись Петлицкие, и весь их кружок распался. *Период нравственной распущенности молодежи и ее младенческого лепета* (подчеркнуто карандашом. – Л. О.) по поводу мирового переустройства сменился периодом жестокой боевой анархии. Сильные экземпляры, зараженные этой болезнью, разносили повсюду гибель и несчастья, а слабые, не смогшие выйти из сферы понятий невменяемого младенчества, были бесследно сметены событиями. Только немногим из них, случайно уцелевшим, пришлось, когда затихла буря, приспособиться к первому попавшемуся незначительному делу, чтобы иметь возможность существовать. Нужно было влезть в первую попавшуюся упряжь за простой хлеб насущный и, таким образом, каждого уцелевшего от крушения засосало какое-нибудь гостеприимное болото, откуда было непристойно подавать свой голос при разговорах на прежние темы» [8, с. 130].

Событие, произошедшее с Верой спустя два года после отъезда Степнина, поместилось в краткой седьмой части: Вера получила от него короткое письмо. «Что с Вами? – писал он. – Я хочу знать лично от Вас, как Вам живется. По отношению к Вам я все тот же. Верьте и не забывайте о моей неизменной преданности» [8, с. 131].

«Сердце Веры радостно встрепенулось от этих задушевных слов и она, много раз прочитав и вновь перечитывая их, обливала письмо слезами благодарной и счастливой любви». «Ваше письмо пришло как нельзя более вовремя, – писала она в ответном письме. – Я сбилась с намеченного пути, изверилась и измучилась. Все, чем я жила до сих пор, пусто, бесцельно и безрассудно. Спасите меня, если можете, от полного отчаяния. Желая присоединиться к Вам и жить отныне Вашими делами и надеждами. Из всего, встреченного мною в жизни, Вы самое дорогое и любимое мною существо. Вся Ваша со всеми моими мыслями и чувствами. Вера» [8, с. 131].

В заключительной (VIII-ой) части видим Веру на Черноморском побережье:

«Через три месяца Вера поселилась на юге в большой глуши вместе с лучшим из известных ей людей. Мертвая тишина вокруг и смутный страх от окружающей безжизненности в сердце, но об руку с нею переживающий <...> одинаковые надежды, верный и правдивый друг... С жутким сознанием своей оторванности от всего прошлого и отчужденности от прежних интересов, они пошли, крепко взявшись за руки, на пустынный каменистый морской берег, и в тоске по даром растраченной и бесполезно прожитой жизни смотрели вдаль полными слез глазами» [8, с. 134–135].

И вот заключение:

«Вера чувствовала, как еще крепка ее душевная связь с живущими, и ее влекло окинуть прощальным взглядом длинные ряды начинающей свою скорбную боевую жизнь молодежи, по недоразумению и слепоте бодро идущую на никому не нужное заклание и в порыве глубочайшего сострадания вскрикнуть ей в ее горные высоты

из глубины своих низин: “Сестры мои и братья! Остановитесь! Оставьте заботы о переустройстве мировой жизни и о судьбе всего человечества! Такая задача недостижимо высока и Вам недоступна! Но отдайте все Ваше внимание, все Ваше знание и все сердце – на помощь друг другу – людям, с которыми встречаетесь и посредством которых бесплодно проходит Ваша доброжелательная, но без добрых дел холодная и мертвая жизнь. Всмотритесь в Ваших ближних, поймите Ваших незамечаемых и неузнаваемых братьев. Вы непременно почувствуете взаимное с ними родство, пожалейте и полюбите друг друга, а любовь укажет Вам дело, стоящее жизни, и сохранит Вас от вражды, злобы и всех их ядовитых последствий. В братском единении с окружающими людьми и только в этом – заключается вся отрада, все счастье и весь смысл жизни”. Н. Сулова» [8, с. 151].

Итак, современному читателю рукопись Н. П. Суловой доносит свидетельства об эпохе общественных сдвигов 1860-х – начала 1900-х гг., вошедшие в нашу историю не только как годы признания женской эмансипации, но и как трагичный период социально-политической борьбы с большими жертвами. Рукопись объясняет причины решения Н. П. Суловой перебраться в Крым, жить «рядом» с простыми людьми «в глуши», помогать им. Труд на земле, соединяемый с научной работой, врачебной практикой – это стало идеологией супругов Голубевых. Близость к народу была естественна для них по рождению; жизненные обстоятельства воспитали в них высокую трудоспособность в достижении поставленных целей, поддержку своим нравственным убеждениям они нашли в учении Л. Н. Толстого. Супруги Голубевы хорошо знали творчество писателя, поддерживали связь с семьей Л. Н. Толстого, что следует из писем А. Е. Голубева.

В архиве А. Е. Голубева сохранилось много документов, свидетельствующих, что о Н. П. Суловой, поселившейся «в глуши» в Крыму, помнили и в столице, и в провинции, почитали ее как о первую русскую женщину-врача. Помнили и о дате получения в Цюрихе докторского диплома и посылали поздравления. Надежда Прокофьевна могла чувствовать, что остается примером для многих. Приведем лишь некоторые послания.

Письмо от Общества Костромских врачей (16 ноября 1892 г.) к 25-летию защиты Н. П. Суловой диссертации:

«Милостивый Государь Александр Ефимович. Одновременно с сим высылаю посылкою на Ваше имя диплом для Глубокоуважаемой Надежды Прокофьевны на звание почетного члена Общества Костромских врачей.

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, в юбилейный день Надежды Прокофьевны вручить ей посланный диплом.

Примите уверение в глубоком уважении и высоком почитании.

*Вице-председатель Общества Костромских врачей
М. Богомолец»* [8, ед. хр. 90, л. 5].

Упомянутый в письме диплом сохранился; представляет собой изящно обрамленный лист следующего содержания: «Общество Костромских врачей избрало в заседании 31 октября 1892 года Доктора Медицины Надежду Прокофьевну Сулову-Голубеву своим Почетным членом» [8, ед. хр. 90, л. 6].

Сохранилось телеграфное поздравление из Москвы:

«25 лет тому назад Вы первые открыли Русской Женщине Широкий Путь Женщины-Врача, вечное Спасибо и дай Вам Господь на многие годы здоровья и счастья. Григорьева, Павлова, Маркелова» [8, ед. хр. 90, л. 38].

Телеграмма из Петербурга от Ольги Александровны Штофф, детского врача и автора книги «Уход за ребенком в первый год его жизни: Практические советы матерям женщины-врача О. А. Штофф» (вышла двумя изданиями в 1887 и 1890 гг.):

«Поздравляю с двадцатипятилетием, сожалею, что не могу сделать этого лично. Получила письмо от Мурашовой, просит тоже поздравить. Штофф» [8, ед. хр. 90, л. 39].

Много поздравительных телеграмм и писем доставлено Надежде Прокофьевне в декабре 1907 г. в связи с сорокалетием получения докторского диплома: от Московского Комитета Всероссийского Союза Равноправия женщин [8, ед. хр. 90, л. 6], от Русского женского взаимно-благотворительного общества в Петербурге [8, ед. хр. 90, л. 4], из Москвы от Р. С. Знаменской, председательницы Общества для устройства и заведывания убежищем для престарелых или впавших в неизлечимое состояние лиц женского медицинского звания Российской Империи [8, ед. хр. 90, л. 7], от Первого Московского женского Клуба [8, ед. хр. 90, л. 10], от Аксаковского литературного общества в Москве [8, ед. хр. 90, л. 5, 6] и др.

Порой невозможно определить, кто автор того или иного послания; может быть, просто неравнодушные благодарные люди, как например, в этой телеграмме из Москвы:

«Мой горячий привет Вам, сильному борцу за высшее женское образование. Вашей борьбой Вы указали путь русской женщине. Студентка» [8, ед. хр. 90, л. 11 об.].

Особым чувством проникнуто поздравление с 50-летием докторского диплома, полученное в **декабре 1917 г.** от Педагогического совета Алуштинской гимназии:

«Глубокоуважаемая Надежда Прокофьевна! 3-го декабря 1867 года Вы, первая из гражданок, получили возможность силу научного знания претворить в подвиг жертвенного служения народу, Вы первая указали русской женщине тот тернистый, но славный путь, который привел русскую женщину-врача в первые ряды культурных работников человечества. В столице и деревне, в чертогах и хижинах, на холодном Севере и в теплой Тавриде Вы творили великое дело служения страждущему человечеству и примером своим зажигали в русской женщине священный огонь любви к знанию и народу.

Педагогический Совет Алуштинской Гимназии, недавно открывшейся в том месте, где Вы в течение столь продолжительного времени положили столько знания и труда, не может обойти молчанием пятидесятилетие Вашего просвещенного служения и, готовя новых культурных работников, приветствует Вас, первую русскую женщину-врача, живой пример грядущим поколениям. Председатель педагогического Совета А. Сынопалов» [8, ед. хр. 90, л. 2–2 об.].

В декабре 1917 г. получено и поздравление от Врачебного Совета Алуштинского района:

«Глубокоуважаемый товарищ, Надежда Прокофьевна! Врачебный Совет Алуштинского района в заседании своем 8 сего декабря постановил приветствовать Вас с полувекowym юбилеем Вашей деятельности врача.

Первая пионерка, Вы путеводной звездой служили следующим поколениям женщин-врачей, Вы проложили дорогу женщинам, указав своим примером, что

на этом тернистом пути, пути помощи страждущим, пути, где требуется и нежная ласка, и любовь к ближнему, женщина найдет свое призвание и займет подобающее место среди своих собратий врачей-мужчин.

Выдержав упорную борьбу и с предрассудками, и темнотой народной, Вы расчистили дорогу женщине, на которой она, благодаря Вам, первой женщине-врачу, стоит теперь твердой ногой, являясь полноправным членом в семье товарищей-врачей.

Коллегия врачей, принося Вам поздравление, выражает свое глубокое уважение, преклоняется перед Вашей полувековой работой и желает, Глубокоуважаемая Надежда Прокофьевна, еще долгие годы видеть Вас в своей врачебной семье.

Председатель врачебного Совета» [8, ед. хр. 90, л. 10].

Надежда Прокофьевна умерла через четыре месяца, 7 апреля (по ст. ст.) 1918 г. от паралича сердца [27, с. 56].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ представленных в статье текстов приводит к убеждению, что видеть историческую и историко-литературную значимость творчества Н. П. Сусловой необходимо лишь при расширении контекстовых параметров – как документально-биографического, так и исторического, историко-журналистского характера. По сути дела, перед нами тексты участницы и свидетельницы исторических событий 1860–1880-х гг., оценка которых менялась по мере радикализации политических процессов в стране.

Рассмотренные нами первые литературные произведения Н. П. Сусловой «Рассказ в письмах» и «Фантазерка», опубликованные в 1864 г. «Современнике», не отражали судьбу автора, содержание строилось на задаче показать подчиненное положение девушки в семье, ее стремление к самостоятельности и образованию, труду, ее право по своему выбору вступить в брак. Рассказ «Из недавнего прошлого», опубликованный в «Вестнике Европы» в 1900 г., дописывался Н. П. Сусловой в Крыму, в имении «Кастель-Приморский», когда, приближаясь к 60-ти годам, первая русская доктор медицины пытается рассказать об эпохе 1860–1870-х гг., дать оценку политическим выступлениям, с ее точки зрения, несвоевременным, неумелым, «разрушительным» и кончающимся большими жертвами. Главная героиня рассказа Вера лишь фактом обучения за границей медицине «повторяет» биографию Н. П. Сусловой. Но именно «авторская отстраненность» предоставляет возможность открыто включить в рассказ многие мысли и сомнения автора.

Эту же тактику использует Н. П. Суслова в своем последнем, написанном в Крыму произведении «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь», оставшемся в рукописи. Все свои мысли и чувства, избегая прямого автобиографизма, Н. П. Суслова «передает» главной героине очерка Вере. Пережитые трудности, разочарования, нарастающая тревога о «неправильно» понимаемом молодежью пути ко всеобщему благополучию, о недопустимости террора, приводят к убеждению, что лишь самовоспитание, «самосовершенствование», посвящение себя помощи страждущим есть главное условие изменения жизни и условие ее продолжения. Нравственной опорой для Веры становится учение Л. Н. Толстого, важнейшие принципы которого она воплощает в своей каждодневной жизни. В неопубликованном очерке приоткрываются обстоятельства и причины решения Н. П. Сусловой поселиться в Крыму, в глуши, на морском берегу.

Рукопись Н. П. Суловой, таким образом, сохранила для современного читателя материал о нравственных поисках русской интеллигенции на сложном политическом этапе российской жизни 1860–1900 гг. Сохранившаяся в Крымском архиве рукопись первой русской женщины-доктора медицины существенно обогащает историко-литературный «фонд» крымской регионалистики, и, к слову, расширяет исследовательские параметры в интерпретации понятия «крымский текст».

Список литературы

1. *Арсеньев К. К.* От новой редакции «Вестника Европы» // Вестник Европы. – 1908. – № 11. – С. 3–4.
2. Архив В. А. Гольцева. Т. 1. – М.: «Книгоизд-во писателей» в Москве, 1914. – 316 с.
3. *Гдб [Гайдебуров П. А.]* Внутреннее обозрение // Дело. – 1868. – № 11. – Режим доступа: <https://litbit.ru/ru/gaydeburrov-pavel/vnutrennee-obozrenie-delo-no-11-1868>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
4. *Глобина Е. [Н].* Решительный шаг (Доктору медицины Цюрихского университета Надежде Суловой) [Стихи] // Дело. – 1868. – № 1. – С. 391–392.
5. *Глобина Е. Н.* Ульяна: (Очерки из жизни женщины): [В стихах]. – СПб.: Глобин, 1868. – 30 с.
6. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1954–1966. – Т. 28. – 1966. – 438 с.
7. *Голубев А. Е. (Сибиряк).* Стихотворения. Одесса. На столетний юбилей; Барыня Sophie. 1-е изд. – Одесса: типо-лит. Штаба Одес. воен. округа, 1890–1891. – 297 с.
8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 536 (А. Е. Голубева). – Оп. 1. – Ед. хр. 108.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 109. – Оп. 1а. – Ед. хр. 504.
10. *Завалунова Г.* Надежда Сулова: как дочь крепостного крестьянина стала первой женщиной-врачом в России. – Режим доступа: <https://votnikstan.ru/history/suslova>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
11. *Зинченко Н. Е.* Женское образование в России: Ист. очерк. – СПб.: Коммерч. скоропеч., 1901. – 46 с.
12. *Зыков Я.* Знаменитая и забытая Надежда Прокофьевна Сулова! – Режим доступа: <https://gallery.ddt-chkalov.ru/30856/>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
13. *Кавалли А.* Бунтарка от медицины: как Надежда Сулова стала первой женщиной-врачом в России. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/420609-buntarka-ot-mediciny-kak-nadezhda-suslova-stala-pervoy-zhenshchinoy-vrachom-v>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
14. *Капустина С. В.* Крымская школа изучения Достоевского // Неизвестный Достоевский. – 2025. – Т. 12. – № 3. – С. 178–201.
15. *Ковалевская С. В.* Избранные произведения / сост., вступ. ст. и примеч. Н. И. Якушина. – М.: Советская Россия, 1982. – 349 с.
16. *Конради Е.* Организация литературного труда // Русские общественные вопросы: Сборник «Недели»: С прил. лит.-полит. отдела / Изд. сотрудников-издателей газ. «Неделя» П. А. Гайдебурова и Е. И. Конради. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. – С. 253–299.
17. *Котляревский Н. А.* Л. Н. Толстой: (речь, сказ. на акте СПб. высш. женск. курсов 21-го нояб. 1898 г.) // Космополис. – Санкт-Петербург, 1898. – № 12. – С. 196–204.
18. *Котляревский Н. [А.]* Наше недавнее прошлое // Вестник Европы. – 1896. – Т. 3. – Кн. 5 (май). – С. 5–27.
19. *Крылов Н.* Очерки из далекого прошлого // Вестник Европы. – 1900. – Т. 3. – Кн. 5. – С. 135–188.
20. *Лихачева Е. [О.]* Материалы для истории женского образования в России. 4 т. – СПб.: Тип-я. М. М. Стасюлевича, 1890–1901.
21. *Н. С. [Сулова Н. П.]* Рассказ в письмах // Современник. – 1864. – Т. СIII. – С. 141–168.
22. *Н. С. [Сулова Н. П.]* Фантазерка // Современник. – 1864. – Т. CIV. – № 7. – С. 169–219.
23. *Н. П. С. [Сулова Н. П.]* Труд. Пытаясь решить все сомненья... [Стихи] // Дело. – 1868. – № 1. – С. 390–391.
24. *Овцын В.* Развитие женского образования. Исторический очерк. – СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1887. – 42 с.
25. *Сулова Надежда [П].* Из недавнего прошлого. Рассказ // Вестник Европы. – 1900. – Т. 3. – Кн. 6 (июнь). – С. 624–673.
26. *Орехов В. В.* Литературное кривописание и проблема исторической истины в образовательном процессе // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Т. 1. – Симферополь: Ариал, 2017. – С. 164–192.

27. Орехова Л. А. «Кастель-Приморский»: история и судьбы в архивных документах. Глава 2. Сестры Сусловы // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – № 3–4. – С. 48–61.
28. Орехова Л. А. «Солнце мертвых»: крымский текст и крымский архив // Крымский текст в русской культуре. Материалы междунар. научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. – С. 190–202.
29. Орехова Л. А. Старые и новые мифы об Аполлинии Сусловой-Розановой, возлюбленной Ф. М. Достоевского // Муза. Научно-популярный журнал Общества «Муза» по изучению русской и советской литературы. – № 28. – 1 июня 2013 г. – Осака: Изд-во «Муза» (Япония). – С. 55–72.
30. Орехова Л. А. Штрихи к портрету А. Е. Голубева // Terra Alustiana. МММХI. Сборник научных трудов международной X научной конференции. – Симферополь: Антикава, 2015. – С. 435–458.
31. Орехова Л. А., Дубровский А. В. Профессор Е. В. Петухов в истории Крымского архива // Вестник архивистов Крыма. Вып. 3. – Симферополь: Антикава, 2019. – С. 32–41.
32. Памяти Надежды Васильевны Стасовой: с портретом работы В. В. Матэ / Общество вспоможения окончивших курс наук на Высших Женских Курсах. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1896. – 105 с.
33. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания / Вступ. ст. К. И. Чуковского; Прим. Г. В. Краснова. – М.: Правда, 1986. – 512 с.
34. Перова Н. Возвращаясь к истокам женского образования. – Режим доступа: <https://dompisatel.ru/?p=16438>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
35. Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. – 2015. – № 3. – С. 186–201.
36. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: ИД КФУ, 2022. – 200 с.
37. Розова К. А. Первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. – 1945. – № 3. – С. 51–53.
38. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире»: коллективная монография / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева и др. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2024. – 264 с.
39. Сараскина Л. И. Аполлиния Сулова. – М.: Молодая гвардия, 2022. – 437 с.
40. Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. – М.: Мысль, 1978. – 335 с.
41. Уникальную запись о рождении первой в России женщины-врача Надежды Сусловой нашли в архиве Нижнего Новгорода. – Режим доступа: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27353/4534507/>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
42. Уникальные документы обнародовали нижегородские архивисты о рождении Надежды Сусловой. – Режим доступа: <https://nntv.tv/?id=236929>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
43. Филимонова Г. Надежда Сулова: истоки свободы. – Режим доступа: <http://www.gtp.ru/text/187.htm>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
44. Филимонова Г. Надежда Сулова в Нижнем Новгороде и санитарный вопрос «кармана России» в XIX веке. – Режим доступа: <http://www.gtp.ru/text/188.htm>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
45. Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого: Переписка Н. В. Шелгунова с женой. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1901. – 239 с.

References

1. Arsen'ev K. K. *Ot novoj redakcii «Vestnika Evropy»* [From the new edition of the "Bulletin of Europe"]. *Vestnik Evropy*, 1908, no. 11, pp. 3–4.
2. *Arhiv V. A. Gol'ceva. T. 1.* [Archive of V. A. Goltsev. T. 1]. Moscow, Knigoizd-vo pisatelej Publ., 1914. 316 p.
3. Gdb [Gajdeburov P. A.] *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Delo*, 1868, no. 11. Available from: <https://litbit.ru/ru/gaydeburov-pavel/vnutrennee-obozrenie-delo-no-11-1868> (accessed 23.01.2026).
4. Globina E. [N]. *Reshitel'nyj shag (Doktoru mediciny Cюриhского университета Nadezhde Suslovoj)* [Decisive step (To the doctor of medicine of the University of Zurich Nadezhda Suslova)]. *Delo*, 1868, no. 1, pp. 391–392.
5. Globina E. N. *Ul'jana: (Ocherki iz zhizni zhenshhiny)* [Ulyana: (Essays from the life of a woman)]. – St. Petersburg, Globin, 1868. 30 p.
6. Gercen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: In 30 vols]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954–1966, vol. 28, 1966. 438 p.

7. Golubev A. E. (Sibirjak). *Stihotvorenija. Odessa. Na stoletnij jubilej; Barynja Sophie* [Poems. Odessa. On the centenary; Barynya Sophie]. Odessa, 1890–1891. – 297 p.
8. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK)* [State Archive of the Republic of Crimea]. F. 536 (A. E. Golubeva), op. 1, ed. hr. 108.
9. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK)* [State Archive of the Republic of Crimea]. F. 109 s/a, op. 1, ed. hr. 504.
10. Zavalunova G. *Nadezhda Suslova: kak doch' krepostnogo krest'janina stala pervoj zhenshinoj-vrachom v Rossii* [Nadezhda Suslova: How the Daughter of a Serf Peasant Became the First Female Doctor in Russia]. Available from: <https://vatnikstan.ru/history/suslova/> (accessed 23.01.2026).
11. Zinchenko N. E. *Zhenskoe obrazovanie v Rossii: Ist. ocherk* [Women's education in Russia: Historical essay]. St. Petersburg, 1901. 46 p.
12. Zykov Ja. *Znamenitaja i zabytaja Nadezhda Prokof'evna Suslova!* [The Famous and Forgotten Nadezhda Prokofievna Suslova!]. Available from: <https://gallery.ddt-chkalov.ru/30856/> (accessed 23.01.2026).
13. Kavalli A. *Buntarka ot mediciny: kak Nadezhda Suslova stala pervoj zhenshinoj-vrachom v Rossii* [A rebel from medicine: how Nadezhda Suslova became the first female doctor in Russia]. Available from: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/420609-buntarka-ot-mediciny-kak-nadezhda-suslova-stala-pervoy-zhenshchiny-vrachom-v> (accessed 23.01.2026).
14. Kapustina S. V. *Krymskaja shkola izuchenija Dostoevskogo* [Crimean school of Dostoevsky studies]. *Neizvestnyj Dostoevskij*, 2025, vol. 12, no. 3, pp. 178–201.
15. Kovalevskaja S. V. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1982. 349 p.
16. Konradi E. *Organizacija literaturnogo truda // Russkie obshhestvennye voprosy: Sbornik «Nedeli»* [Russian social issues: Collection "Week"]. St. Petersburg, 1872, pp. 253–299.
17. Kotljarevskij N. A. *L. N. Tolstoj* [L. N. Tolstoy]. *Kosmopolis*, 1898, no. 12, pp. 196–204.
18. Kotljarevskij N. [A.] *Nashe nedavnee proshloe* [Our recent past]. *Vestnik Evropy*, 1896, vol. 3, no. 5, pp 5–27.
19. Krylov N. *Ocherki iz dalekogo proshlogo* [Essays from the Distant Past]. *Vestnik Evropy*, 1900, vol. 3, no. 5, pp. 135–188.
20. Lihacheva E. [O.] *Materialy dlja istorii zhenskogo obrazovanija v Rossii. 4 t.* [Materials for the history of female education in Russia. 4 vol.]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1890–1901.
21. N. S. [Suslova N. P.]. *Rasskaz v pis'mah* [Story in letters]. *Sovremennik*, 1864, vol. CIII, pp. 141–168.
22. N. S. [Suslova N. P.]. *Fantazjerka* [Dreame]. *Sovremennik*, 1864, vol. CIV, no. 7, pp. 169–219.
23. N. P. S. [Suslova N. P.]. *Trud. Pytajas' reshit' vse somnen'ja...* [Labor. Trying to resolve all doubts...]. *Delo*, 1868, no. 1, pp. 390–391.
24. Ovcyn V. *Razvitie zhenskogo obrazovanija. Istoricheskij ocherk* [Development of female education. Historical essay]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorohodova Publ., 1887. 42 p.
25. Suslova Nadezhda [P.]. *Iz nedavnego proshlogo. Rasskaz* [From the Recent Past. A Story]. *Vestnik Evropy*, 1900, vol., 3. no. 6, pp. 624–673.
26. Orehov V. V. *Literaturnoe krymovedenie i problema istoricheskoi istiny v obrazovatel'nom processe* [Literary Crimean studies and the problem of historical truth in the educational process]. *Sovremennaja kartina mira: krymskij kontekst: kollektivnaja monografija. T. 1.* Simferopol, Arial Publ., 2017, pp. 164–192.
27. Orehova L. A. «Kastel'-Primorskij»: istorija i sud'by v arhivnyh dokumentah. Glava 2. *Sestry Suslovy* ["Kastel'-Primorsky": history and destinies in archival documents. Chapter 2. The Suslov sisters]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. Simferopol, 2004, no. № 3–4, pp. 48–61.
28. Orehova L. A. «Solnce mertvyh»: krymskij tekst i krymskij arhiv ["The Sun of the Dead": Crimean Text and Crimean Archive]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy mezhdunar. nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 4–6 sentjabrja 2006 g.* St. Petersburg: Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 190–202.
29. Orehova L. A. *Starye i novye mify ob Apollinarii Suslovoj-Rozanovoj, vozljublennoj F. M. Dostoevskogo* [Old and new myths about Apollinaria Suslova-Rozanova, the beloved of F. M. Dostoevsky]. *Muza. Nauchno-populjarnyj zhurnal Obshhestva «Muza» po izucheniju russkoj i sovetskoi literatury. № 28. 1 ijunja 2013 g.* Osaka: Izd-vo «Muza» Publ., pp. 55–72.
30. Orehova L. A. *Shtrihi k portretu A. E. Golubeva* [Strokes to the portrait of A. E. Golubev]. *Terra Alustiana. MMMXI. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj X nauchnoj konferencii.* Simferopol, Antikva Publ., 2015, pp. 435–458.

31. Orehova L. A., Dubrovskij A. V. *Professor E. V. Petuhov v istorii Krymskogo arhiva* [Professor E. V. Petukhov in the history of the Crimean archive]. *Vestnik arhivistov Kryma*. Vyp. 3. Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 32–41.
32. *Pamjati Nadezhdy Vasil'evny Stasovoj: s portretom raboty V. V. Matje* [In memory of Nadezhda Vasilyevna Stasova: with a portrait by V. V. Mate]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1896. 105 p.
33. Panaeva (Golovacheva) A. Ja. *Vospominanija* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 512 p.
34. Perova N. *Vozvrashhajas' k istokam zhenskogo obrazovaniya* [Returning to the origins of female education]. Available from: <https://dompisatel.ru/?p=16438> (accessed 23.01.2026).
35. Poljakova L. V. *Filologicheskaja regionalistika kak nauka* [Philological regional studies as a science]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 3, pp. 186–201.
36. *Prepodavanie russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching Russian in Crimea: Historical and Ethnocultural Context: Collective Monograph]. Simferopol, ID KFU Publ., 2022. 200 p.
37. Rozova K. A. *Pervaja russkaja zhenshhina-vrach* [The first Russian female doctor]. *Fel'dsher i akusherka*, 1945, no 3, pp. 51–53.
38. *Russkij jazyk v Krymu i "Russkij jazyk v polikul'turnom mire": kollektivnaja monografija* [Russian language in Crimea and "Russian language in a multicultural world": collective monograph]. Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024. – 264 p.
39. Saraskina L. I. *Apollinarija Suslova* [Apollinaria Suslova]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2022. 437 p.
40. Troickij N. A. *Bezumstvo hrabryh: Russkie revoljucionery i karatel'naja politika carizma 1866–1882 gg.* [Madness of the Brave: Russian Revolutionaries and the Punitive Policy of Tsarism 1866–1882]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 335 p.
41. *Unikal'nuju zapis' o rozhdenii pervoj v Rossii zhenshhiny-vracha Nadezhdy Suslovoj nashli v archive Nizhnego Novgoroda* [A unique birth record of Russia's first female doctor, Nadezhda Suslova, was found in the Nizhny Novgorod archives]. Available from: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27353/4534507/> (accessed 23.01.2026).
42. *Unikal'nye dokumenty obnarodovali nizhegorodskie arhivisty o rozhdenii Nadezhdy Suslovoj* [Nizhny Novgorod archivists have released unique documents about the birth of Nadezhda Suslova]. Available from: <https://nntv.tv/?id=236929> (accessed 23.01.2026).
43. Filimonova G. *Nadezhda Suslova: istoki svobody* [Надежда Суслова: истоки свободы]. Available from: <http://www.gttp.ru/text/187.htm> (accessed 23.01.2026).
44. Filimonova G. *Nadezhda Suslova v Nizhnem Novgorode i sanitarnyj vopros «karmana Rossii» v XIX veke* [Nadezhda Suslova in Nizhny Novgorod and the Sanitary Issue of the 19th-Century "Pocket of Russia"]. Available from: <http://www.gttp.ru/text/188.htm> (accessed 23.01.2026).
45. Shelgunova L. P. *Iz dalekogo proshlogo: Perepiska N. V. Shelgunova s zhenoj*. St. Petersburg, Tipografija Ministerstva putej soobshhenija Publ., 1901. 239 p.

ABOUT THE UNKNOWN MANUSCRIPT BY N. P. SUSLOVA IN THE FUNDS OF THE CRIMEAN ARCHIVE: TEXT AND CONTEXT

Orehova L. A.

This article presents the first analysis of a manuscript preserved in the State Archives of the Republic of Crimea by N. P. Suslova, the first Russian female doctor of medicine. She lived for almost 40 years near Alushta on the Kastel-Primorsky estate. Suslova's manuscript, "Dreams and Reality, or Dead Life," is examined in its textual and contextual context with her short story, "From the Recent Past," also written in Crimea and published in 1900 in *Vestnik Evropy*, as well as with her earlier works, "A Story in Letters" and "The Dreamer," published in *Sovremennik* in 1864.

Keywords: N. P. Suslova, A. E. Golubev, "women's movement", Kastel-Primorsky, manuscript, "Dreams and Reality, or Dead Life".